

Г.В. Токарев

Дискурсивные лики концепта

Монография

Тула 2004

Научный редактор –
Н.Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, академик АСГН,
профессор

Рецензенты:

кафедра общего и славяно-русского языкознания
Волгоградского государственного педагогического
университета

В.Д. Бондалетов, доктор филологических наук,
профессор Пензенского государственного университета,
заслуженный деятель науки

В монографии обсуждаются проблемы категоризации концепта «Труд» в различных дискурсах русской культуры. Исследование дискурсов проводится в когнитивном ключе, особое внимание уделяется семантическому измерению дискурса.

Для лингвистов-исследователей, аспирантов, студентов.

Токарев Г. В.

Дискурсивные лики концепта: Монография. – Тула: . 2003.

Научное издание

Токарев Григорий Валериевич
Дискурсивные лики концепта
Монография

СОДЕРЖАНИЕ

	Предисловие.....	
1.	Теоретические проблемы дискурсивной репрезентации концепта.....	
1.1.	Концепт как объект лингвокультурологии.....	
1.2.	Концептосфера как совокупность концептов.....	
1.3.	Проблемы кодирования знания.....	
1.4.	Лексические средства объективации концептуальных связей	
1.5.	Дискурс в ряду смежных явлений.....	
1.6.	Три аспекта дискурса.....	
2.	Репрезентация концепта «Труд» в различных дискурсах русской культуры.....	
2.1.	Специфика вербализованных связей концепта «Труд» в наивной картине мира.....	
2.2.	Концептуализация труда в институциональных дискурсах....	
2.2.1.	Специфика концептуализации труда в религиозном дискурсе	
2.2.2.	Специфика концептуализации труда в правовом дискурсе....	
2.2.3.	Специфика концептуализации труда в педагогическом дискурсе.....	
2.2.4.	Специфика концептуализации труда в медицинском дискурсе.....	
2.3.	Сопоставительная характеристика вербализованных связей концепта «Труд» в различных дискурсах.....	
	Заключение.....	
	Список использованной литературы.....	
	Список использованных источников.....	
	Справочники и их сокращения.....	
	Цитированные источники.....	

*Живой человек носит
в своём духе...жизнь общества*

В.Г. Белинский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное языкознание расширяет свои границы, что проявляется в изменении объекта исследования. Обращение к антропоцентрической парадигме познания вводит в фокус научного изучения проблемы использования естественного языка отдельным человеком, социумом, лингвокультурной общностью. Множество синкретичных отраслей (психолингвистика, лингвокультурология, социолингвистика, лингвистическая прагматика и др.) знания при различии избираемого предмета описания, используемых приёмов интерпретации лингвистических фактов по своей сути направлены на решение одной проблемы – выяснить, какие ментальные структуры, типы знания репрезентируются языком, каковы механизмы кодирования информации и др. В связи с этим язык перестаёт осмысляться как закрытая система, существующая сама для себя. Язык понимается как «...конструкт, построение, стремящееся объяснить явления...» (А.Ж. Греймас, Ж. Курте), как «...лучшее окно в знание...» (У. Чейф), как «...главное средство выражения мышления...» (Г. Харман). Отсюда следует, что современные лингвистические исследования культивируют когнитивную парадигму научного знания.

Одним из интереснейших объектов исследования является дискурс. Е.С. Кубрякова даёт следующее определение этому феномену: «...форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определённый тип социальной активности человека, создаётся в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями её осуществления и, конечно же, её целями» [2004: 525]. Из сказанного видно, что дискурс может быть объектом описания социологов, психологов, историков, политологов, лингвистов.

Несмотря на новизну понятия *дискурс* он является уже достаточно испытанным объектом лингвистики, о чём свидетельствует обзор отечественных и зарубежных работ по названной теме, приведённый в [Карасик В.И., 2002, Кубрякова Е.С., 2004], при этом теоретическая нечёткость понятия дискурс очевидна. Это проявляется в замещении терминов дискурс и текст, речь. Более того, в русистике пока мало работ, рассматривающих особенности репрезентации одного концепта в различных дискурсах.

Предлагаемая читателю книга продолжает наше исследование особенностей репрезентации концепта «Труд» в русском языке [Токарев Г.В., 2003]. Основной целью этой работы является систематизация знаний о концепте и дискурсе, а также выяснение специфики презентации ментальной категории «Труд» в различных дискурсах русской культуры. Наше исследование выполнено в русле глобальной для современного языкознания проблемы взаимосвязи языка с миром человека и направлено на дальнейшую разработку теории средств и способов кодирования информации в

языке, принципов, методов, приёмов описания концепта культуры на материале русского языка.

Объектом исследования являются номинативные языковые и речевые единицы русского языка, репрезентирующие концепт «Труд» в различных дискурсах русской культуры.

Источниками исследования стали лексикографические издания, произведения художественной литературы, философские, педагогические, религиозные, медицинские трактаты, политические документы, печатная продукция средств массовой информации.

Дискурс как объект лингвистики рассматривается в разных аспектах. В частности, Н.К. Данилова выделяет два лингвистических подхода к дискурсу: когнитивно-дискурсивный и коммуникативно-дискурсивный [2002: 46]. При коммуникативно-дискурсивном подходе рассматриваются коммуникативно-прагматические цели, расчёт, установки, ролевые позиции, прототипический вариант, жанровые особенности, тональность и др. дискурса. При когнитивно-дискурсивном подходе особое внимание уделяется специфике репрезентации знания, моделированию картин мира, продуцируемых дискурсом, особенностям выражения интенций и др. Наше исследование выполнено в рамках именно этого подхода, в связи с чем теоретическую базу работы составили идеи:

- Ю. Н. Караулова, Д. С. Лихачёва, Ю. С. Степанова и др. о сущности, структуре, функциях концепта, его отношении к другим ментальным и языковым единицам;
- В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. Вежбицкой, А. А. Потебни, Н.Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, Н. И. Толстого и др. о сущности культуры, о культурно-семиотическом подходе к языковым явлениям; о способах вербального кодирования культурной информации;
- М. Пешё, П. Серио, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Е.И. Шейгал и др. о сущности дискурса, его обусловленности социально-историческими факторами.

Автор этой книги выражает глубокую признательность научному редактору Николаю Фёдоровичу Алефиренко за ряд ценных советов, которые были даны в ходе работы, и рецензентам Василию Даниловичу Бондалетову, Евгении Валентиновне Брысиной, Елене Алексеевне Добрыдневой, чьи замечания помогли значительно совершенствовать рукопись, Инне Юрьевне Токаревой за корректорскую правку.

Глава I. Теоретические проблемы дискурсивной репрезентации концепта

1. 1. Концепт как объект лингвокультурологии

Проблемы исследования процессов концептуализации и категоризации действительности были и остаются актуальными для лингвистики. Одним из сложнейших и до сих пор не решённых вопросов является описание концепта, признанного учёными основной формой категоризации знания и главным средством концептуализации действительности. Проблемам изучения природы концепта посвящены труды как зарубежных, так и отечественных учёных: В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, Дж. Лакоффа, М. Минского, Р.И. Павилёниса, Ч. Филлмора, А.А. Потёбни, С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачёва, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, А.П. Бабушкина, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.В. Колесова и мн. др. И всё же термин *концепт* в виду своей сложности и полифункциональности до сих пор получает в лингвистике самую разную трактовку.

В нашей книге «Концепт как объект лингвокультурологии...» [2003] мы предприняли попытку показать различие интерпретации концепта в когнитологии и лингвокультурологии, предложили модель концепта культуры, которая была создана на основе изучения особенностей презентации концепта в естественном языке. Остановимся на ключевых аспектах нашей теории.

Исключительно когнитивистская трактовка концепта не может быть использована в лингвокультурологии. Когнитология рассматривает мышление в аспекте продуцирования дискурса тем или иным индивидом. Лингвокультурология изучает процессы становления, развития, функционирования сознания в культурно-историческом аспекте, поэтому базовые для когнитологии признаки концепта: оперативность, гибкость и подвижность, субъективность, неструктурированность для лингвокультурологии оказываются несущественными. Релевантными для неё являются инвариантность, содержательное наполнение концепта (концепт отражает результаты человеческой деятельности).

Лингвокультурологический подход к концепту (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, Ф.Ф. Фархутдинова и др.) отличается от когнитивного тем, что концепт понимается как (а) *атрибут культуры*, «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов Ю.С., 2001: 43]; (б) *многомерная глобальная структура*, состоящая из понятий, эмоционально-оценочного блока, сжатой истории и этимологии; (в) *объективная* и (г) – *исторически детерминированная структура*; (д) *константа культуры*,

если существует постоянно или долгое время и (е) играет роль *принципа культуры* [Там же: 84]. Так, концепт «Труд» можно отнести к концептам-константам: он стабильно является базовым элементом русской концептосферы – совокупности всех концептов данной культуры. Таким образом, в лингвокультурологическом понимании концепт – это не оперативная единица речемышления, а часть концептосферы, имеющая объективный, исторически детерминированный характер.

Основными показателями несовместимости существующих концепций, с одной стороны, когнитивной, с другой – лингвокультурологической, являются такие признаки концепта, как субъективность, неструктурированность, оперативность данной ментальной категории в когнитивной интерпретации и объективность, структурированность, глобальность и историчность в лингвокультурологической. Итак, концепт мы рассматриваем как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки: (а) исторический детерминизм; (б) широкая экстенциональность; (в) структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологем, стереотипов; (г) неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального; (д) разнообразие типов знаковых репрезентаций.

Неоднородность семантики, функциональных особенностей языковых единиц позволяет нам говорить о разноаспектности содержания концепта. Значение кодирует как культурно релевантную, так и нерелевантную информацию. Например, слово *плоскогубцы* репрезентирует обыденное понятие о клещах, захватывающая часть которых имеет плоскую внутреннюю поверхность. Данное понятие, несомненно, характеризуется культурно нерелевантным характером, однако внутренняя форма языковой единицы, отражая особенности национального восприятия реалии, указывает на культурно релевантную интерпретацию в процессе понимания этого явления действительности. Русская лингвокультурная общность акцентирует внимание только на форме этого инструмента, а, например, немецкая – отражает классификационность, чёткость в процессе концептуализации: *die Flachzange* (буквально: ‘плоские щипцы’) [НРС] и др. Этот факт даёт основания полагать, что слои концепта хаотичны, тесно взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга. Прибегая к метафоре, мы можем сопоставить модель концепта с облаком, в котором диффузно сочетаются разнородные смыслы. Таким образом, в концепте можно выделить универсальный (общечеловеческий, культурно нерелевантный) и культурный компоненты.

Универсальный компонент концепта наполняется интенционалами научных и отчасти наивных понятий. Универсальными могут быть культурные установки и стереотипы. В этом случае они отражают общечеловеческие ценности. Например, культурные установки: *человеку необходимо трудиться // каждый человек должен трудиться; не откладывай дела,*

стереотипы: *труд приносит пользу обществу, хороший специалист имеет многолетний опыт работы* – являются универсальными на данном синхронном срезе. Нетрудно заметить, что ментальные величины этого типа предельно обобщены, лишены конкретизирующих специфических компонентов. Таким образом, в универсальный компонент могут входить разнотипные ментальные сущности, но его ядро образуют научные понятия.

Специфика культурного компонента концепта состоит в том, что он в большей мере, чем универсальный, связан с системой языка. С одной стороны, это обусловлено тем, что культурный компонент ценностно маркирован, а репрезентации в первую очередь подвергается именно такая информация. Например, важность земли, поля, во власти которых, по представлениям русского крестьянина, была сила дать хороший урожай, отражается в обилии номинаций земельного угодья, внутренние формы которых указывают на особенности возделывания, подготовки земли, её назначение: *хлевница, репище, покромь, роздёрть* и др. С другой стороны, это обусловлено тем, что язык является своеобразным штампующим, организирующим устройством для информации этого компонента. Данный факт обуславливает то, что культурный компонент как бы надстраивается над системой языка, является вторичной моделирующей системой [Лотман Ю., 2000: 396]. Поскольку в поле зрения лингвокультуролога находится только культурный компонент, то в языке описания используется термин концепт культуры, или просто концепт. Ядро культурного компонента концепта составляют национально маркированные представления и взаимосвязанные с ними культурные установки и стереотипы. Так, ранее стереотипом заработной платы являлась милость и любовь хозяина, что отражено внутренней формой слова *жалованье*. Внутренняя форма вербализует культурную установку *люби и заботься о своём работнике*, запечатлённую в «Домострое». Культурно значимыми могут быть и наивные понятия. Например, вербализованное понятие *трудгужналог* ‘форма обязательного привлечения населения к бесплатному выполнению определённых работ и использования принадлежащих отдельным гражданам гужевых средств по указанию органов Советской власти’ [БСЭ: 1977] является релевантным для русской советской культуры. Данное понятие квалифицируется как безэквивалентное, то есть не имеющее коррелятов в других культурах.

Культурный компонент концепта содержательно неоднороден, о чём свидетельствует функциональная разнородность репрезентирующих его единиц. Ср.: *порнушник* ‘мол. халтурщик, недобросовестный работник’; *служить у графа Ветрова* ‘арг. быть безработным’ [БСЖ]; *зауторник* ‘проф. инструмент, который используется при изготовлении бочек’; *грива* ‘диал. поле на высоком месте’ [СД] и др. Это обусловлено дифференциацией лингвокультурной общности как субъекта, продуцирующего смысл, на более мелкие группы, которые формируют дополнительные ценности и культурные установки. Н.И. Толстой отмечал, что в культуре можно выделить четыре разновидности: «культуру образованного слоя, «книжную»,

или элитарную, культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют «культурой для народа» или третьей культурой, и для полноты картины и более чёткого параллелизма ещё традиционно-профессиональную субкультуру (пастушескую, пчеловодческую, гончарную и др. на селе, торговоремесленную – в городе)» [1995: 16–17]. Так, паремии о труде отражают ценность времени в народной (крестьянской) культуре и инструмента в профессиональной: *сей и холь яровое в мае, так будет зимой добро; овсы да льны в августе смотри; в октябре та бабам и работа, что льны приспевать; до солнца пройти три покоса – не будешь ходить босо // кабы не клин да не мох, так бы плотник издох; без веретена пряжи не спрядётся; кому до чего, а кузнецу до наковальни*. Неоднородность культурного компонента, обусловленная разнообразием типов социумов, выделяемых в составе лингвокультурной группы, отражается в особенностях языковой репрезентации. Специфика лингвистической репрезентации культурных установок в элитарной культуре проявляется в продуктивности жанра афоризма. Ср. афоризмы с пословицами: «*Физический труд помогает забывать о нравственных страданиях*» (Ф. Ларошфуко); «*Труд делает заботы незаметными*» (античный афоризм) // *не то забота, что много работы, а то забота, как ея нет*. Дифференциация лингвокультурной общности обуславливает существование сегмента культурного компонента концепта – субкультурного компонента, включающего представления, культурные установки, стереотипы, характерные для социальной группы (социума). Каждый из социумов характеризуется специфичными для него представлениями, культурными установками, стереотипами. Причём они так или иначе коррелируют с представлениями, культурными установками и стереотипами общенародной культуры.

С учётом выделенных факторов структура концепта определяется как триединство универсального, культурного, субкультурного компонентов. Итак, схематично структура концепта в лингвокультурологии выглядит следующим образом:

Структура концепта

Таблица 1

Универсальный компонент	Преимущественно научные и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие общечеловеческие ценности.
Культурный компонент	Представления и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие ценности лингвокультурной общности.
Субкультурные компоненты	Представления, обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, ориентированные на ценности социумов.

Составляющие концепта находят свою объективацию в семантике языковых единиц. Многообразие видов репрезентации культурного ком-

понента даёт основания для предположений о его неоднородности. Рассмотрим особенности содержания культурного компонента концепта.

Диктумный и модусный типы языковой семантики культурно маркированных единиц, фиксирующей и выражающей ту или иную концептуальную информацию, дают основания полагать, что они являются проекцией соответствующих типов концептуального культурно маркированного содержания. На этом основании культурный компонент концепта мы рассматриваем в виде структуры, состоящей из двух блоков: диктумного и модусного.

Первый блок – **диктумный (объективный)** – структурируется преимущественно представлениями и обыденными понятиями, которые являются отражениями многообразия культурно значимых (ценностно ориентированных) человеческих практик. Так, представления о том, что земледельческим трудом можно выкупиться из рабства, отражено словом *израбататься* ‘выкупиться работой’; о том, что, кроме земледельческого труда можно заниматься на хозяйском дворе нетягловой, дворовой, ремесленной работой – словом *безъпахотный* [СД] и др.

В этот же блок входит информация об истории концепта. Так, на истоки концепта «Труд» указывает этимология ключевых слов *труд, работа, дело*. П.Я. Черных устанавливает, что древнерусское слово *труд* произошло от общеславянского **trudъ*, которое имело значение ‘мять’, ‘жать’, ‘давить’, ‘щемить’. Вероятно, что пейоративные имплицитные семы этих значений подготовили почву для возникновения денотаций типа ‘усилие’ (с.-хорват.), ‘напряжение, затруднение’ (чеш.), ‘беспокойство, усталость’ (польск.) [Черных П.Я., 1994. Т. 2: 266–267]. М. Фасмер приводит аналогии с другими языками: *triusas* (лит.) – ‘хлопоты’; *droz* (ср.-в.-н.) – ‘досада, тягота, тяжесть’; *us-priutan* (гот.) – ‘отягощать’; *praut* (др. исл.) – ‘испытание, беда, искушение’; *trucio* (лат.) – ‘толкать, теснить’. Таким образом, содержанием этимона данного слова является ‘действие, направленное на изменение структуры чего-л., сопряжённое с большими усилиями’. Древнее сознание назвало трудом то, что было связано с тяжестью выполнения.

Как свидетельствуют этимологические словари, слово *работа* является производным от *раб* [Фасмер М., 1996. Т. 3: 427], [Черных П.Я., 1994. Т. 2: 91–92]. Этимон слова отражает обязательный атрибут рабства – подневольный труд.

М. Фасмер указывает на общеславянские корни слова *дело* и сравнивает его с древнерусским *деть*, литовским *padelys* – ‘яйцо, подложенное в гнездо’, *priedel* – ‘приложение’, *daile* – ‘искусство, ремесло’. Таким образом, содержание этимона можно определить как нечто совершённое; занятие, действие [Фасмер М., 1996. Т. 1: 496]. Таким образом, первые этапы осмысления труда происходили в акциональном ключе.

С информацией, содержащейся в диктумном блоке, тесно связаны культурные установки, идеологемы, стереотипы, оценки, эмоции, входящие в **модусный** блок.

Культурные установки, идеологемы, стереотипы выступают в функции оснований оценки. Эмоции и оценки являются результатом соотнесения объекта оценки – представлений, бытовых понятий – с основанием оценки. Отсюда культурная маркированность оценок и эмоций. Так, русские культурные установки указывают на то, что человек должен подготовиться к зиме, сделав запасы (глава 42 «Домостроя»). Эти культурные установки, объективированные многочисленными паремиями: *было бы в амбаре, будет и в кармане; была бы в сусеке рожь, будет и в кармане грош* и др. –, являются основанием отрицательной оценки, вербализованной семантикой слова *бездуменник* ‘плохой крестьянин, хозяин’ [СД]. Если у человека нет гумна, в котором хранится зерно, он не может прокормить свою семью и обеспечить посев на будущий год.

В модусный блок входит информация, которая интерпретирует не только культурно релевантные смыслы, составляющие диктумный блок, но и знания, структурирующие универсальный компонент концепта. Например, культурно маркированные представления воплощены в названиях многих славянских месяцев: апрель в украинском языке называется *цвітень* (*квітень*) (то есть связывался с цветением растений), в белорусском – *красавік* (название отражает эстетическую оценку).

Модусный блок культурного компонента концепта отражает его социальный рейтинг: в одни культурно-исторические периоды концепт может приобретать особую социальную значимость, в другие – утрачивать её. В качестве примера можно привести значимость труда на предыдущих этапах развития русской культуры, воплощённую в модусных блоках языковых единиц разного типа: *в дальних краях ремесло кормит; мастер на все руки; ничто так, как труд, не облагораживает человека* – и скептическое отношение к честному труду в нынешнее время, что находит свою объективацию, например, в эмотивно-оценочных коннотациях газетных заголовков: «*Как избежать безработицы, если никто не хочет работать*» («Комсомольская правда», 19.07.91), «*Работа не волк, но что-то звериное в ней есть*» («Аргументы и факты», № 50, 2000), «*Не хотим быть трудом, хотим быть капиталом*» («Комсомольская правда», 11.12.91).

Итак, культурный компонент концепта является способом существования и организации культуры. Структурируя культуру и указывая на динамику культурно-когнитивных процессов, он обеспечивает связь между различными эпохами и стилями культуры. Рассматриваемый компонент концепта не только отражает, но и задаёт определённый угол зрения на объективный мир и тем самым закрепляет и организует те или иные ценности, помогает человеку ориентироваться в том или ином культурном

пространстве. Культурный компонент концепта обусловлен этническим характером лингвокультурной общности, сущность которого заключается в определённом типе реакций на явления окружающего мира.

Совокупность концептов представляет собой концептосферу, или культуру в ментальном аспекте. Рассмотрим особенности связи концептов в концептосфере.

1.2. Концептосфера как совокупность концептов

Проблема изучения групп (совокупностей) концептов так же, как и вопрос о сущности концепта, ставится как в когнитивных, так и в лингвокультурологических штудиях.

Когнитивный подход (Р. Джекендофф, Р.И. Павленис, Е.С. Кубрякова и др.) совокупность концептов, существующую в сознании человека, определяет как **концептуальную систему**, или **структуру** [Кубрякова Е.С., 1996: 94]. Тем самым каждый индивид характеризуется своей концептуальной системой, частично данной ему врождённо, частично – сформированной в результате познания окружающей действительности. Концептуальную структуру формирует информация, стекающаяся по различным каналам: тактильному, зрительному, слуховому и др., – отвечающая критерию обязательной лингвистической релевантности. Проблемное поле при когнитивном подходе к указанному объекту составляют вопросы, связанные с природой формирования и развития концептуальных структур в сознании человека.

Начало лингвокультурологическому подходу было положено работой Д.С. Лихачёва «Концептосфера русского языка» [1993]. Совокупности концептов Д.С. Лихачёв предлагает называть **концептосферами**, или **идеосферами**: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами» [1997: 282]. Статья Д.С. Лихачёва носит программный характер, поэтому ей свойственна эскизность проработки теоретических положений. Так, Д.С. Лихачёв соотносит концептосферу с вербальным полем, но в то же время указывает, что содержание концептосферы определяется уровнем развития национальной культуры: литературы, фольклора, живописи и др., то есть подчёркивает, что репрезентации могут иметь не только провербальную, но и иную знаковую природу [Там же]. Д.С. Лихачёв делает важное замечание о существовании множества концептосфер: идеосферы нации, семьи, социальных сообществ и др. При этом исследователь даёт, по существу, когнитивный разворот данной проблеме, указывая на то, что в сознании человека концептосферы могут сосуществовать, влияя друг на друга: «Между концептами существует связь, определяемая уровнем культуры человека, его принадлежностью к определённому сообществу людей, его индивидуальностью. Одна концептосфера может соче-

таться с другой — скажем, концептосфера русского языка в целом, но в ней концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера. Каждая из последующих концептосфер одновременно сужает предшествующую, но и расширяет её» [Там же]. Тем самым, проблема фокусируется на когнитивных потенциях индивида.

Итак, в рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов утверждается, что концептосфера / концептуальная структура является продуктом процесса смыслообразования, состоящего в переработке результатов восприятий в смыслы. Как уже отмечалось выше, в качестве субъекта смыслопорождения может выступать как отдельный человек, так и лингвокультурная общность, социум. В поле зрения лингвокультурологии попадают концептосферы, продуцированные лингвокультурными общностями или социумами.

В большинстве исследований концептосферы указывается, что она имеет полевою структуру, то есть в ней можно выделить центровую часть и периферию (Лихачёв Д.С., Лотман Ю.М., Степанов Ю.С., Попова З.Д., Стернин И.А.). В центровую часть входят наиболее актуальные, имеющие высокий социальный рейтинг концепты. Так, проведённое исследование языковых репрезентаций концепта «Труд» [Токарев Г.В., 2003] указывает, что данный концепт входит в центровую часть русской идеосферы в целом. Тот факт, что в настоящее время рейтинг концепта «Труд» снижается, говорит о динамичной структуре концептосферы, изменении содержательного состава центра и периферии. Появление новых концептов в идеосфере, изменение состава центра и периферии представляет собой историю концептосферы.

Понятие концептосферы предполагает, что между входящими в неё концептами существуют определённые связи.

В.Б. Гольдберг учит различать связи и отношения между единицами. Дифференциальным признаком этих смежных явлений становится возможность изменения содержания одной единицы при изменении другой. Отношения между единицами не предполагают этих изменений, связи — основываются на них [2000: 96–97]. Далее исследовательница отмечает, что корреляции концептов следует квалифицировать как отношения, поскольку «если бы любые изменения в одном участке концептосферы вызвали изменения в других участках, процесс коммуникации был бы очень затруднён» [Там же, 104]. Это утверждение, на наш взгляд, нельзя считать истинным. Например, если изменение в содержании концепта «Космополитизм» не приводит к изменению в концепте «Труд», то иная интерпретации концептов «Безделье», «Пьянство» может привести к подобным изменениям. Так, в настоящее время наблюдается тенденция квалифицировать деятельность человека с точки зрения получаемого дохода, поэтому ряд человеческих практик, например работу в некоторых бюджетных организациях, люди оценивают как отсутствие предприимчивости, безделье: *«Всё книжки читаешь да чернила переводишь. Ты бы пошёл на стройку. И*

деньги, и квартира будет!» [Картотека автора]. Поэтому и среди концептов следует различать связи и отношения. Для нашего исследования интересны связи между концептами, поэтому мы будем рассматривать только те концепты, корреляции которых с концептом «Труд» можно квалифицировать как связи.

Связи между концептами кладутся в основу структурной модели той или иной концептосферы. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают: «...Концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа» [2001: 19].

Концепт «Труд», вступая в связи с другими концептами, находясь с ними в отношениях тождества, части и целого, пересечения и др., обогащает своё содержание. Связи между концептами формируют новый смысл, который можно определить, лишь установив отношения между всеми элементами. Тем самым можно утверждать, что концептуальные связи обогащают содержание концептов, что находит своё вербальное воплощение в коннотациях ключевых слов [Апресян Ю.Д., 1995: 156–166].

В различных работах список связей между концептами определяется по-разному. М.В. Никитин в качестве концептуальных связей называет отношения классификации и импликации. Импликационные связи отражают реальные связи объектов действительности, «зависимости, взаимодействия между вещами, между частью и целым, между вещью и признаком, между признаками» [1988: 104]. Так, связи концептов «Труд» и «Физическое состояние человека», эксплицированные афоризмами: «Утомление будет сменой труда», «Утомление требует смены труда» (А.И. Клизовский) – объективируют реальные связи двух явлений (трудовой деятельности и утомления, которое она приносит), а следовательно, являются импликационными. Классификационные связи являются результатом когнитивных процессов распределения признаков в вещах. Назначение этих связей в том, «чтобы вскрыть общее – различное в вещах, установить закономерности в бесконечном разнообразии мира, свести индивидуальную неповторимость вещей к обозримой иерархии типов...» [Там же: 108]. Так, связь между концептами «Труд» и «Совесть», эксплицированная афоризмом: «Труд есть совесть» (А.П. Платонов), основана на интегральных признаках концептов: «ответственность, долг перед обществом», а следовательно, её можно квалифицировать как классификационную. Выделенные учёным типы концептуальных связей более ориентированы на способы познания действительности, нежели на установление характера естественных связей между концептами.

З.Д. Попова и И.А. Стернин говорят о концептуальных отношениях сходства, различия, иерархии [2001: 18]. Сложную и разветвлённую типологию связей предлагает В.Б. Гольдберг [2000], выделяя отношения со вмещения, включения, пересечения, близости, контраста. Ю.С. Степанов указывает, что концепты в концептосфере пересекаются друг с другом, в основе пересечения (имбрикации) лежит либо общий смысл, либо общий структурный признак [2001: 398].

На наш взгляд, наиболее объективным является мнение Ю.Н. Караулова, считающего, что связи между ментальными единицами сводимы к трём основным типам: привативным оппозициям (включение), эквиполентным оппозициям (пересечение), дизъюнктивным оппозициям (предполагающим отсутствие общих элементов) [1976: 211]. Другие виды связей, выделенные выше названными авторами, будут представлять разновидности этих трёх. Отношения сходства, различия, пересечения, близости, контраста соотносятся с эквиполентным типом, отношения иерархии, включения — с привативным. Так, афоризм *«Жизнь человека и труд должны составлять единое целое»* (С.Г. Баранов) эксплицирует пересечение содержания двух концептов «Труд» и «Жизнь», что говорит об эквиполентном характере их связей. Крылатое выражение *«Труд не есть добродетель, но необходимое условие добродетельной жизни»* (Л.Н. Толстой) эксплицирует отношения включения концепта «Труд» в концепт «Добро», что позволяет квалифицировать данные отношения как привативные. Однако, на наш взгляд, в классификации Ю.Н. Караулова не учтён ещё один важный тип отношений, о котором говорится в работе В.Б. Гольдберг. Речь идёт об отношениях совмещения, или тождества, когда один концепт отождествляется, квалифицирует другой: *«Труд есть долг и счастье для всех»* (Л.Н. Толстой).

В поле зрения нашего исследования будут особенности репрезентации концепта «Труд» в различных дискурсах. Рассмотрим закономерности кодирования знания.

1. 3. Проблемы кодирования знания

Размытость экстенциональной характеристики концепта отчасти находит своё выражение в том, что он относится к типу ментальных единиц, который имеет множество репрезентаций в разных языках культуры.

Выбор той или иной семиотической сферы, структурного типа единицы для репрезентации обусловлен особенностями содержания знания. Культурно маркированное содержание может отражаться средствами языка живописи, музыки, скульптуры и проч. Например, идея взаимосвязи свободного труда крестьян и рабочих воплощается в композиции скульптуры В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница». Соединение серпа и молота, фигуры мужчины и женщины лаконично и ёмко репрезентируют идею, которая могла найти наилучшее выражение только средствами языка скульптуры. Скульптура способна создать не только зрительный образ, но и сформировать ощущение динамичности, непосредственности, очевидности. Картина Т.Н. Яблонской «Хлеб» отражает торжество свободного коллективного механизированного труда. В языке живописи основным средством выражения является цвет. Преобладание в анализируемой картине золотисто-жёлтого цвета, цвета урожая, переводит восприятие картины в

положительный эмоционально-оценочный регистр, служит средством интенсификации художественных деталей и композиции картины в целом. Знаки лингвистических семиотических систем образуют соотносительное референциональное поле для провербальных знаков. Например, с указанной картиной соотносятся паремии: *по-ударному работать, по-зажиточному жить; хороша нива только у коллектива; живи, не тужи — теперь нет межи; хороша доля с колхозного поля; ни межи, ни краю колхозному урожаю* и др., которые более чётко выражают оценку, актуализируют внимание на коллективном характере труда.

Совокупность фактов различных семиотических систем образует **симболярий культуры**. «Симболярий культуры – это совокупность знаков, означающими которых служат ...таксоны того или иного её кода, а означаемые обладают культурной семантикой» [Телия В.Н., 1999: 21]. Так, массив репрезентаций культурного компонента концепта «Труд» образует его культурный симболярий.

Единицы культурного симболярия появляются и функционируют в том или ином **культурном тексте** – знаковом пространстве, неоднородном или однородном по своей семиотической природе. «Текст культуры – любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет ... место культурно маркированная деятельность...» [Там же: 20]. Культурный текст и является полем презентации культурного компонента концепта. Данное понятие редуцирует факт лингвистической выраженности. Так, скульптура И.Д. Шадра «Бульжник – оружие пролетариата», картина П.И. Котова «Красное Сормово», очерк Г.И. Успенского «Власть земли» и др. представляют собой культурные тексты, репрезентируемые одним из языков культуры – скульптуры, живописи, естественного языка.

Более сложную природу имеют такие культурные тексты, как кино, драматическая постановка, опера, обряд и проч. Для их презентации используется два и более языка культуры. Ю.М. Лотман отмечает: «...Культурный текст – многоязычное, многократно зашифрованное образование» [2000: 582]. Например, обряд шествия с плугом (авсень) репрезентируется системой артефактов, магических действий, пением заклинательных песен. Перед святками имитировали процесс пахания земли, при этом заклинали плуг, пели засевающие песни («*На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, Боже, жито пшеницу и лукавую пашницу*»), поскольку русский крестьянин верил не столько в силу орудия, сколько в силу заклинания, которое могло заставить орудие делать то, что надо. Для выдуманного посева собирали зёрна со всех дворов. Считалось, что такая «подготовка» к посеву обеспечит хороший урожай [Сахаров И.П., 2000: 213–216].

Однако понятие культурного текста не исчерпывается границами того или иного произведения устного народного творчества, вида искусства. Текст культуры охватывает и в целом всё знаковое культурно маркированное пространство. То есть совокупность репрезентаций художественного (разных его форм), номинативного творчества составляет культурный

текст. Так, группы культурно маркированных слов, фразеологических единиц, паремий, афоризмов, литературных, музыкальных, живописных и проч. произведений, выражающих идею труда, представляют собой культурный текст концепта «Труд».

Понятия симболярий культуры и текст культуры являются смежными. И культурный симболярий, и культурный текст представляют собой совокупность культурно маркированных знаков. Однако симболярий культуры включает в себя парадигматический аспект этой совокупности (перечни культурно маркированных знаков), а текст культуры – синтагматический, функциональный.

Культура часто отождествляется с текстом. Для этого есть основания. Культура, как и текст, представляет определённый комплекс информации, характеризуются определённой структурой, которая проявляется в её внутреннем единстве, иерархии ценностей, противопоставленности одной культуры другой. Отношения культуры с другими культурами часто сопоставляются с отношениями **интертекстуальности**, то есть связи одного текста с другими текстами, взаимодействием этих текстов [СЭСРЯ, 2003: 104–108]. Отношения культура / некультура аналогичны оппозиции текст / внетекстовая деятельность. Однако при отождествлении текста и культуры упускается из виду одно важное обстоятельство: культура в отличие от текста не имеет ясно обозначенных границ.

Культура с точки зрения своих репрезентаций аспектуализируется, то есть членится на ряды. Эти ряды выделяются на основе семиотического подхода, сущность которого состоит в том, что культура (совокупность концептов) могут репрезентироваться разными семиотическими средствами. Творения разных языков культуры: живописи, музыки, кино и, главного, естественного языка - могут группироваться по признаку общего содержания в семиотические ряды [Стапанов Ю.С., 2001: 21-36].

Общее содержание, лежащее в основе семиотического ряда, организуется культурным кодом. Н.Ф. Алефиренко определяет **культурный код** в лингвосемиотике культуры как «систему означивания, то есть сформированную стереотипами этнокультурного сознания конфигуративную совокупность знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: (а) образования и структурирования довербальных смыслов и (б) их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определённой коммуникативно-прагматической парадигмы» [2002: 61–62]. Таким образом, культурный код – это своего рода матрица, определяющая способ мышления и обозначения. В.В. Красных отмечает: «Культурный код понимается как сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека» [2002: 232]. Так, в культуре известны биоморфный, фетишный, анимический, акциональный и др. виды культурных кодов, которые восходят к

ранним формам религии. Например, на концептуальном уровне биоморфный код находит своё отражение в базовом образе домашнего или дикого животного, насекомого. Это выражается номинациями типа: *тянуть воз; укатали сивку крутые горки; мал муравей, да горы ворочает*; в литературных образах басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей», повести Л.Н. Толстого «Холстомер», сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Коняга».

Семиологии предполагают, что количество культурных кодов невелико, и разнообразие культур обусловлено комбинацией, трансформацией известных культурных кодов. В.В. Красных отмечает, что набор кодов культуры для человечества универсален. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [2002: 232]. Так, знания о вместилище человеческой души в языках одинаково кодируется антропоморфным кодом, однако в индоевропейских языках избирается образ сердца, в африканских селезёнки.

В зависимости от принципа (синхронического, панхронического, диахронического), положенного в основу выделения семиотических рядов, среди них можно выделить три типа.

1. Ряды, которые выделяются на одном временном срезе, – **парадигмы, стили эпохи.**
2. Ряды, которые отражают эволюцию концепта от эпохи к эпохе, – **эволюционные ряды.**
3. Ряды, которые выделяются по принципу панхронии, то есть без учёта хронологического фактора, – **ментальные изоглоссы.**

Рассмотрим семиотические ряды разных типов.

1. Культурные парадигмы выделяются на одном временном срезе. Так, советский период представляет особую эпоху в развитии концепта «Труд». Один из семиотических рядов этого этапа составляет парадигма, имеющая общий гештальт «дорога»: *маяк индустриализации, рубежи пятилетки* и др. Этот же гештальт репрезентируется в картинах Б.Н. Яковлева «Транспорт налаживается», Ю.Н. Пименова «Новая Москва», песнях В.Г. Захарова «Вдоль деревни», «Дороженька» и др.

Культурные парадигмы эпохи организуются в первую очередь идеологемами, благодаря которым и становится возможным отделить одну эпоху от другой. Представления, упакованные в форму гештальта «дорога», определяются действовавшей в то время идеологией *молодое государство строит новую жизнь*. Дорога, по-видимому, и представляет форму достижения цели.

2. Эволюционные ряды реконструируются на диахроническом срезе. Они показывают становление и развитие концепта, эволюцию сознания, динамику культурных установок, идеологием, стереотипов. Эти изменения представляет собой **эволюционный семиотический процесс**. В языковой

системе данный процесс находит яркое отражение в функциональной семантике, когда названия одного предмета переходят на другой с опорой на функциональное сходство [Степанов Ю.С., 1971: 139]. Так, одним из эволюционных рядов, характерных для концепта «Труд», является «человек → животное → машина как средство выполнения работы». Человек в процессе трудовой деятельности уподобляется животному, во многом облегчившему работу, а впоследствии машина уподобляется животному и человеку. Этот процесс отражён внутренними формами номинаций: *в одной упряжке, похваля клячу, да в соху; тяжарь 'земледелец'* [СД]. А. Платонов в повести «Сокровенный человек» показывает, как главный герой, машинист Пухов, воспринимает свою машину: *«день и ночь вращается машина – умная, как живая, неустанная и верная, как сердце»* [1981: 46]. Герои рассказа И. Рахима «Мой друг Икрам» сравнивают трактор с конём: *«...мне нужна не конская статъ, а работа коня...»* [1988: 419].

3. Тот или иной культурный код проявляется и в ментальных изоглоссах: определённые тождественные смыслы находят своё выражение в разные промежутки времени и в разных культурах. Причём эти процессы носят непредсказуемый характер. Например, в разное время в разных культурах становятся социально значимыми мысли философов, писателей, общественных деятелей. Здесь мы имеем в виду мудрые мысли, ставшие в нашей культуре афоризмами. Творцами этих речений являются люди, жившие в разные эпохи. Однако между мыслителями существует связь, проявляющаяся в том, что они понимали что-либо одинаково. Ср.: *«Труд – отец удовольствия»* (Стендаль); *«Сознание плодотворности труда есть одно из самых лучших удовольствий»* (Л. Вовен Арг), *«Без труда нет наслаждения»* (А. Бебель).

Лингвистическую разновидность семиотического ряда будем называть **лингвосемиотическим рядом**: *как вол; как лошадь; кляча; коняга; в одной упряжке; тянуть лямку; похваля клячу, да в соху; вола зовут не пиво пить, а хотят на нём воду возить* и др. Разновидностью эволюционных лингвосемиотических рядов можно считать, например, историческую динамику семем, составляющих семантическую структуры многозначного слова. Лингвосемиотические ряды в синхронном аспекте (парадигмы эпохи) могут быть представлены, например, синонимическим рядом. Члены одного лингвосемиотического ряда являются представителями абстрактной единицы – лингвокультурема [Воробьёв В.В.: 1996].

Лингвокультурема отражает результаты взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры, а значит, неоднородна по своей сущности. Этот факт определяет сложность семиотической природы этой единицы (О знаковой природе лингвокультурема см. [Токарев Г.В., 2003: 63–65]). Означаемое лингвокультурема включает элементы культурной и языковой систем, то есть может быть представлено в виде бинарной структуры, частями которой является культурное и языковое означаемое.

Сущность культурного означаемого составляют культурные установки, идеологемы, стереотипы.

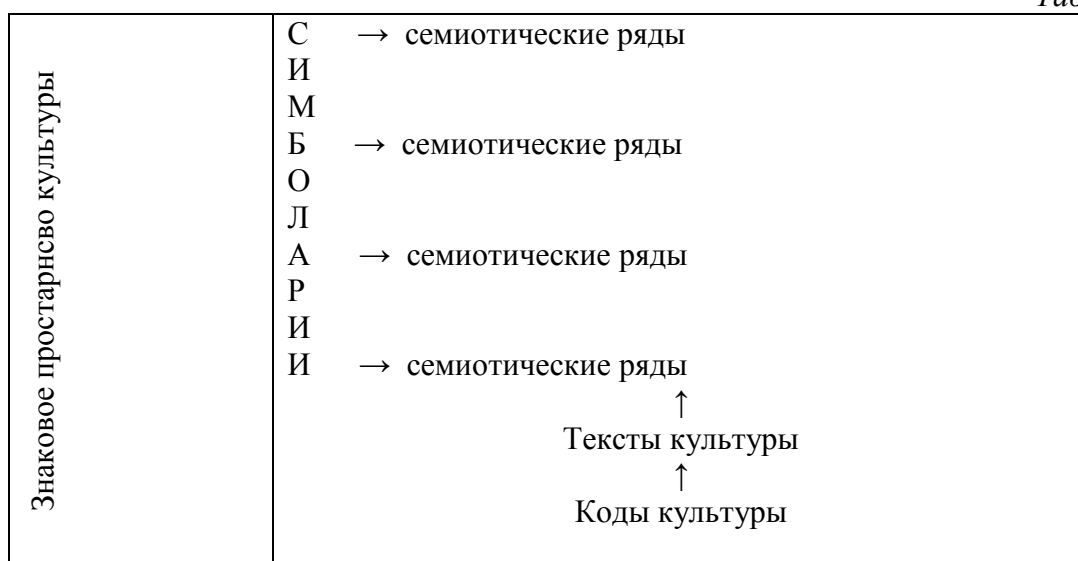
Языковым означаемым являются продукты интерпретации тех или иных блоков значений языковых единиц культурными установками, идеологемами, стереотипами. Означающее лингвокультуры представлено системой возможных для репрезентации данного смысла языковых единиц, отношений между ними. Языковое означаемое рассматриваемой лингвокультуры репрезентировано словами, фразеологическими единицами, паремиями. Таким образом, знаковая специфика лингвокультуры проявляется в том, что имеет инвариантное означаемое и вариативное означающее.

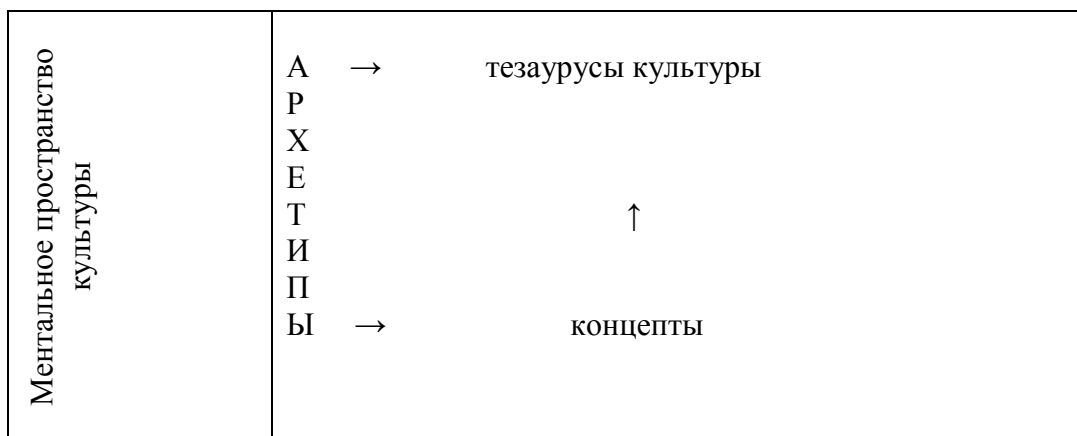
Систематизация отношений между смыслами, репрезентированными единицами культурного текста, приводит к получению **тезауруса культуры**. «Тезаурус культуры – это таксонимическое представление концептуального содержания текста» [Телия В.Н., 1999: 20]. Тезаурус культуры по отношению к текстам культуры является неким инвариантом, конструктом, представляющим собой абстрактную модель действительности. В этом смысле понятие тезауруса культуры синонимично понятию **концептуальной картины мира**, под которой мы вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным понимаем совокупность смыслов, «получаемых в результате прямого познания сознанием окружающей действительности» [2002: 4]. Таким образом, тезаурус культуры включает в себя не только объективную модель мира, но и ту или иную аксиологическую иерархию. Представление тезауруса концепта «Труд» связано с его моделированием, реконструкцией семиотических рядов, системы ценностей.

Взаимосвязь рассмотренных понятий отразим на схеме.

Семиотический и ментальный аспект культуры

Таблица 2

1.4. Лексические средства объективации концептуальных связей

О связях концепта «Труд» в концептосфере можно судить лишь по их репрезентациям, как провербального, так и непровербального характера. Так, в своём исследовании «Русские аграрные праздники» В.Я. Пропп показывает связь концепта «Труд» с концептом «Смерть», выражающуюся в том, что праздники, обряды (святки, масленица, Троица и др.), целью которых было обеспечение урожая в будущем году, оказывались связанными с обрядами поминовения усопших. Эта связь основывалась на стереотипном представлении восточных славян, что в силах умерших было влияние на плодородие земли [Пропп В.Я., 2000].

Предметом нашего исследования станут связи между провербальными единицами, отражающие отношения между концептами. В.Б. Гольдберг отмечает: «Семантические отношения и связи между вербальными элементами можно считать языковым сигналом содержательного отношения между элементами концептосферы или между признаками в содержании концептов, поскольку через семемы и семы язык выражает содержание концепта, его признаки» [2000: 102].

Ю.С. Степанов указывает, что связи между концептами могут быть как естественными, так и устанавливаемыми логическим путём [2001: 600]. Для связей, устанавливаемых логическим путём, характерна имплицитность в репрезентациях, обязательность логических операций, необходимых для их определения. Например, связи между обыденными понятиями **небо** и **чай**: *небо — земля, земля — вода, вода — пить, пить — чай* — можно отнести к логическим (пример А. Н. Лука цит. по [Попова З. Д., Стернин И. А., 2001: 18—19]). Естественные связи между концептами обычно выражаются языковыми средствами эксплицитно, причём преимущественно воспроизводимыми единицами: словами, паремиями, фразеологизмами, афоризмами: *своим горбком, своим домком да своим умком жить* (связи концептов «Труд» и «Жизнь»); *«Счастье достаётся тому, кто много трудится»* (Н. И. Новиков — связи концептов «Труд» и «Счастье»).

стве»); *не всякое лыко в строку* (связь концептов «Труд» и «Речь») и др. Единицы этого типа указывают на очевидность, культурную «узаконенность» данных связей.

Безусловно, что анализ только провербальных единиц даёт возможность сформировать лишь эскизное представление о связях между концептами. Ещё одной причиной эскизного характера модели концептосферы является невозможность абсолютно полного охвата языкового материала. Более того, провербальные единицы часто дают противоречивую информацию о связях между концептами. Ср.: *«Труд для человека не мучение, а радость»* (Л. Н. Толстой) – отношения тождества vs. *«Труд – это источник всех радостей, всего лучшего в мире»* (М. Горький) – эквивалентные отношения. Такое положение дел вполне оправдано, если учесть, что язык выполняет интерпретативную функцию по отношению к смыслу. В тех немногочисленных случаях, когда имел место факт отражения противоречивых связей между концептами, мы отдавали предпочтение тем отношениям, которые наиболее полно репрезентированы языковыми единицами.

Регулярность концептуальных связей, определяемая числом объективирующих их языковых единиц, а также их лингвистическая релевантность vs. нерелевантность дают основания для определения степени близости концептов. Число вербализующих концептуальные связи единиц кладётся в основу характеристики связей как насыщенных или ненасыщенных. В поле нашего зрения будут только насыщенные связи концептов.

Объективация части концептуальных связей на вербальном уровне осуществляется посредством связей семантических, под которыми понимают «отношения между словами в системе лексики» [Там же: 207]. Семантические связи обнаруживаются в многообразных вербальных корреляциях парадигматического (синонимические, антонимические, деривационные, партитивные и др.), синтагматического, эпидигматического характера, интерпретирующих отношения между концептами.

Рассмотрим лексические средства объективации связей концепта «Труд» с другими концептами.

1. Выражение связи между концептами с опорой на квазистереотип.

Суть данного способа отражения концептуальной связи состоит в том, что имя одного концепта (или его аспекта) переносится сознанием на другой концепт. Имя мотивирующего концепта выступает в роли вербализованного квазистереотипа мотивированного. В основу переноса кладутся сложные ассоциации, основанные на сходстве или смежности явлений. Особая роль здесь отводится когнитивной метафоре — форме концептуализации, генирирующей новые смыслы. «При наиболее общем подходе метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме» [Кубрякова Е.С. и др., 1996: 55]. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «метафора ... обнажает процесс переработки в языковое значение

различных «субпродуктов» идеальной (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной) деятельности человека» [1999: 370].

Например, вербализованные смыслы, отражающие ситуации трудовой деятельности, выступают в роли квазистереотипов качеств человека: *не лыком шит* (перенос названия трудовой операции «шить лыком» на характеристику способностей человека: концепт «Труд» → концепт «Человек»); *попасть впросак* (перенос названия трудовой ситуации «попасть в канатный стан» на поведенческую характеристику человека: концепт «Труд» → концепт «Человек»); *бакулить* (перенос названия речевого действия на характеристику деловых качеств человека: концепт «Слово» → «Труд») и др.

Разновидностью этого способа выступает репрезентация концептуальной связи посредством развёрнутого квазистереотипа (иносказания, притчи). В.П. Москвин говорит в этом случае о развёрнутой, композиционной, последовательной метафоре [1997: 36]. Так, связь концептов «Молитва» (идея духовного труда) с концептом «Труд» в религиозном дискурсе выражается посредством притчи: *«Настоятелю некоторого монастыря на горе Синайской ... однажды пришёл принять благословение инок и, увидя братию в трудах, сказал:*

– Не делайте брашна гиблющаго, Мария бо благую часть избра.

Игумен, услыша сие, приказал Смотрителю отвести для гостя комнату и там оставить его. Через несколько часов иноки начали обедать: между тем гость смотрел в окно и ждал, скоро ли позовут его. Иноки вышли из-за стола, а об нём никто не позаботился. Наконец, побуждаемый голодом, он пришёл к настоятелю и спросил, ели ли сегодня иноки?

– Ели, – отвечал настоятель.

– Да почто ж не повестили меня, – возразил пришелец. – Ты человек духовный и не требуешь пищи, – сказал Настоятель, – а мы одеяны в плоть, и хотим есть, вот почему и трудимся. Ты избрал благую часть: читай же книги и питайся словами духовными.

Старец устыдился своего умствования...

– Любезный о Христов брат! – поднимая его, сказал Игумен, – с какой стороны не рассматривай, но от трудов всегда есть польза [«Крупницы духовной мудрости», 2000: 97–98].

Объективированная в данной притче ситуация выступает в роли квазистереотипа, репрезентирующего идею гармоничного сочетания духовного и физического труда, отражающего связи концептов «Молитва» и «Труд». Данный способ характеризуется большей иллюстративностью и убедительностью.

2. Выражение связи между концептами посредством партитивных отношений.

Вербальные партитивные связи объективируют привативные концептуальные связи. «Партитивные отношения отражают иерархию связей (взаимодействий, зависимостей) вещей», — отмечает М.В. Никитин [1988:

88–89]. М.В. Никитин учит различать органические и неорганические (конгломеративные) партитивы. В органической системе свойства частей определяются свойствами целого, в неорганической – зависимости частей и целого свободные, менее жёсткие [Там же: 90]. Функция отражения связей между ментальными категориями отводится неорганической семантической связи, объективирующей отношения между разнородными явлениями, составляющими одно целое. Связи концептов с концептом «Труд» показывают, что в роли семантического репрезентанта привативной концептуальной связи выступают конгломеративные партитивные отношения. Концепт «Труд» в разных дискурсах выступает как свободная, органически неопределённая часть таких концептов, как «Добро», «Бог», «Научно-технический прогресс».

3. Выражение связи между концептами посредством антонимических отношений.

Как говорилось выше, реалии окружающей человека действительности не противопоставлены, противопологаются концепты этих реалий и репрезентирующие эти концепты имена. Антонимические оппозиции отражают эквиполентные отношения между концептами. Известно, что семантическим основанием антонимии является интегральный признак, позволяющий сравнивать противоположные смыслы, и дифференциальный признак, указывающий на отличия одного явления от другого [Новиков Л.А., 1982; Никитин М.В., 1988 и др.]. Тем самым дифференциальная часть одного значения как бы программирует дифференциальную часть другого. Например, в наивной картине мира *вино* (пьянство) противопоставляется *труду*: *вино* не снасть: *дела* не управит. Дифференциальные признаки слова *дело* ‘способность к трудовой деятельности; активное непосредственное участие в ней’ прогнозирует противоположный, взаимоисчерпывающий признак ‘отсутствие способности к трудовой деятельности; невозможность активного, непосредственного участия в ней’.

При определении оппозитивных отношений между концептами учитываются факты не только лексической антонимии (противопоставление, выражаемое словами одной части речи), но и противопоставление, выражаемое разными структурно-грамматическими единицами: словами разных частей речи, словосочетаниями, предложениями, сложными синтаксическими целыми (антонимами в широком смысле). Такой подход к провербальным оппозитивам позволяет зафиксировать не только лингвистически релевантные, но и нерелевантные смыслы. При этом противопоставляемые признаки могут лишь частично исчерпывать друг друга. Например, в паремии: *если косить языком, спина не устанет* – противопоставление осуществляется с опорой на разные с точки зрения грамматической оформленности слова: *косить* / *языком*. Семантические признаки противопоставляемых слов: *косить* ‘работать’ / *язык* ‘символ речи, разговоры могут отвлекать от дел’ – лишь частично исчерпывают друг друга.

Антонимические корреляции наиболее чётко характеризуют отношения между концептами.

4. Выражение связи между концептами посредством синонимических связей.

В третьей главе мы рассмотрели синонимическую парадигму, отражающую смыслы, которые структурируют один концепт. Синонимы, репрезентирующие разные концепты, выражаются с опорой преимущественно на сочинительные или бессоюзные соединительные связи. Излагая основные положения работы П. Серию «Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций», Ю.С. Степанов обращает внимание на семантический эффект этих синтаксических конструкций: «...соединяются посредством союза «и» два понятия (или большее их число), которые в обычной русской речи ... синонимами не являются... Либо при другой форме сочинения союз «и» вообще устраняется... Результатом этой процедуры оказывается следующий семантический парадокс: огромное количество понятий в конечном счёте оказываются как бы синонимами друг друга, чем и навеивается идея об их действительном соотношении в «жизни», о чём-то вроде их «тождественности»» [Степанов Ю.С., 2001: 915–916]. Так, в отрывке из стихотворения Н. А. Некрасова «Муза» слово *труд* вступает в сочинительные отношения со словами *насилие*, *зло*, *голод*: «*Чрез бездны тёмные Насилия и Зла, Труда и Голода она меня вела*» [Некрасов Н.А., 1954. Т. 1: 76]. Данные слова, находящиеся в отношениях контекстуальной синонимии, отражают эквиполентные отношения между концептами: «Труд» пересекается с концептами «Зло», «Насилие». «Голод». Установленные концептуальные отношения отрицательно интерпретируют ментальную категорию «Труд», актуализируя смыслы ‘труд – удел бедных, бесправных людей’, ‘труд – форма эксплуатации’, ‘труд не приносит видимого материального эффекта’.

Как видим, концептуальные связи подобного типа выражаются производимыми (речевыми) единицами, к которым относятся свободные сочетания слов, предложения, сложные синтаксические целые, включающие ключевые слова концепта.

Большая группа производимых единиц, включающих узуальные и контекстуальные синонимы ключевых слов концепта «Труд» и репрезентирующих коннотации прототипических значений этих слов, преимущественно соотносится с синтаксическим концептом «утверждение бытия признака». Г.А. Волохина и З.Д. Попова отмечают, что с данным концептом коррелируют предложения с логико-синтаксическими отношениями, выделенными Н.Д. Арутюновой [1999: 5–91]: экзистенции, номинации, характеристики, идентификации. При этом операции номинации, идентификации и характеристики разграничить не всегда возможно, отчего понятие «признак» понимается несколько расширенно: «...в него входят и имя, и указатели, и множества, классы...» [1999: 36]. Признак и объект существуют автономно только умозрительно. Реально же они образуют единство. «...Только мысль человека абстрагирует признак от предмета, а потом с помощью высказываний типа «что есть какое» снова соединяет предмет и признак» [Там же: 34]. Применительно к предлагаемой нами классифика-

ции концептуальных связей вербализованные единицы этого типа объективируют отношения тождества между концептами. Так, многочисленные контексты эксплицируют коннотативную сему 'ценность' прототипических значений ключевых слов, отражающую взаимосвязи с концептами: «Почему же мне её дали? Потому что **счастье, ловкость, случай?** Работать всякий станет, будьте уверены, как не трудиться, когда **желудок кричит** «работы, работы!». Но и самую работу надо **завоевать**, как дикарь завоёвывает у дикаря скот и пожитки» [Помяловский Н.Г., 1965: 17]; «**Труд – почти культ...** Высота культуры всегда стоит в прямой зависимости от любви к труду... Счастье человека обусловлено его отношением к своему труду...» [Горький М., 1989. Т. 4: 26]; «**Самый главный и самый важный критерий, которым руководствуется наше общество, – труд**» («Известия», 1974), «**В жизни общества нет ничего более важного и более почётного, чем труд. Им созданы все материальные и духовные богатства народа**» («Известия», 1962); «**Труд – не самоцель, а условие благополучия**» («Комсомольская правда», 2000); «...**Труд** ...засчитывается человеку как норма, — до такой степени он стал **обыденным**» [Шагинян М., 1988: 122] «**Сознательный творческий труд – основа наших успехов**» («Комсомольская правда», 1970); «**Труд – единственный источник нашего общественного богатства, залог дальнейшего процветания социалистической Родины, неуклонного подъёма благосостояния народа**» («Известия», 1974) и др. В приведённых примерах слова: **завоевать, культ, важный критерий, условие благополучия, стать обыденным, основа успеха** и др. — служат объективации ценности трудовой деятельности. Ценность труда проявляется и в том, что он становится своеобразным зеркалом внутреннего мира человека: «**Душа человека заключается в его делах**» (Г. Ибсен); «**Замечательные качества нашего современника – и высокое мастерство, и духовное богатство – проявляются на работе**» («Известия», 1962).

Положительную коннотативную аранжировку прототипическим значениям ключевых слов придают контексты, в которых слова: *работа, дело, труд* – отождествляются с рядом этических категорий: с благородством, добром, совестью, счастьем и др. «**Труд – это единственный титул истинного благородства**» (Р. Роллан), «**Труд есть благо**» (Л.Н. Толстой), «**Труд есть совесть**» (А.П. Платонов), «**Такая работа всё равно – счастье**» [Макаренко А.С., 1987: 514]; «**Счастье – это когда у тебя есть семья, есть друзья, есть достойная простого человека работа**» («Известия», 1986); «**Труд – целительный бальзам, он – добродетели источник**» (Гердер). Труд осмысливается как путь к истине, счастью: «**Труд – самый лёгкий, хотя и самый длительный путь к истине**» (В.П. Гоч); «**Трудом добывается счастье, Арсений, Трудом! И другого пути к нему нет!**» (А. Филатов).

5. Выражение связи между концептами посредством словообразовательной деривации.

Е.С. Кубрякова указывает, что «в актах номинации словообразовательного порядка имеют место две разные логические операции — мыслительное подведение обозначаемого под известный класс явлений ... и его мысленное сравнение с другим предметом или явлением действительности...» [1981: 101–102]. Тем самым производное слово может устанавливать связь между двумя концептами. В роли вербального средства, объективирующего концептуальную связь, выступает обычно служебная словообразовательная морфема. Словообразовательная база репрезентирует исходный, мотивирующий смысл. Формант отражает процесс преобразования мотивирующего смысла в новый, структурирующий иной концепт: *дело* → *без* — *дель* — *ник*; *трудова́й* → *не* — *трудова́й*; *рабо́та* → *без* — *рабо́т* — *иц (а)*; *котлован в дымной глубине, пустынной и жуткой от бес-трудо́ья* [Гладков Ф., 1984: 156] и др.

Данный способ характерен для объективации насыщенных концептуальных связей, что обусловлено цельюоформленностью слова, холистичностью и идиоматичностью его семантики [Кубрякова Е.С., 1981: 17].

6. Выражение связи между концептами средствами лексической синтагматики, то есть через сочетаемость ключевых слов концепта «Труд» с лексемами, репрезентирующими другие ментальные категории: «*Подлинная красота человека проявляется в труде*» [Атутов П.Р., 1988: 28]; «*Только труд во всей его многогранности ... может дать человеку счастье*» [Сухомлинский В.А., 1971: 231]. Этот способ объективации вербализует преимущественно эквиполентные связи между концептами.

Забегаая вперёд, отметим, что каждый из дискурсов вырабатывает присущие только ему средства объективации знания. Е.С. Кубрякова отмечает: «...Разные типы дискурса требуют разной грамматики и разной лексики, и они их создают» [2004: 531]. В нашем исследовании внимание будет акцентировано на лексической стороне вербализации знаний о труде.

Репрезентацию смыслов, структурирующих концепты культуры, семиологии определяют как **семиозис**, то есть «процесс, в котором нечто функционирует как знак» [Моррис Ч.У., 1983: 39]. Сложный, многоаспектный механизм объективации знаний, включающий в себя совокупность многообразных семиозисов, представляет собой сущность дискурсивизации (порождения дискурса). Перейдём к рассмотрению сущности дискурса.

1. 5. Дискурс в ряду смежных явлений

В современных исследованиях понятие *дискурса* зачастую подменяется понятиями *речи*, *текста*, *нарратива* (как одного из видов дискурса). Рассмотрим соотношение этих явлений.

В семиотике существует множество определений нарратива (от фр. слова – *narrativite*, *narrativity* ‘повествовательность’) [Греймас А.Ж., Курте

Ж., 1983: 502-505]. Одним из распространённых значений этого термина является 'повествовательность' [Шмид В., 2003]. Очевидно, в таком понимании нарратив представляет собой один из типов речи. В этом значении нарратив можно противопоставить речи в сосюрсовском понимании, так как нарратив представляет собой высказывание-результат, а речь – порождение этого высказывания, акт высказывания. Отсюда соотношение речи и нарратива в рассматриваемой интерпретации можно представить так:

речь → нарратив.

Однако нарратив как продукт речетворчества мы можем построить в соответствии с тем или иным жанром, опираясь на сложившиеся традиции. Это свидетельствует о наличии повествовательного умения, которое можно назвать **нарративной компетенцией** [Греймас А.Ж., Курте Ж., 1983: 503]. Содержание нарративной компетенции (по аналогии с концепцией языка, предложенной Ф. де Соссюром) представляет собой совокупность синтаксических членений, классификационных форм человеческого сознания. Таким образом, нарративная компетенция – это не что иное, как базовая грамматика, которой пользуется говорящий в процессе акта высказывания. Нарратив при таком понимании характеризуется парадигматичностью и, следовательно, является составляющей того или иного языка.

Существование нарративной компетенции показывает, что нарративные структуры определяют формы порождения речи, предопределяют условия образования высказывания. Схематично такое соотношение можно представить следующим образом:

нарратив → речь.

Итак, нарратив рассматривается как принцип, организующий высказывание.

Термин *дискурс* (от фр. слова *discours* 'речь') часто отождествляют с речью (языком в действии), текстом [См. об этом в Кубрякова Е.С., 2004: 519, 525]. Отчасти такое понимание дискурса ведётся с работ Ф. де Соссюра. При этом следует признать, что данные термины находятся в привативных или эквиполентных отношениях. Под **дискурсом** мы, вслед за Е.И. Шейгал [2000], понимаем текущую прагматическую деятельность, затрагивающую различные знаковые системы.

Речь, представляющая собой последовательную реализацию языковых единиц и нарративных программ, является лишь одной из составляющих дискурса. Речь лингвистически релевантна, использует единицы естественного языка, для дискурса факт вербальной презентации безразличен. Средства естественного языка включаются в дискурс как одни из возможных. В дискурсе могут быть использованы элементы и других языков культуры: живописи, скульптуры, музыки и др.

Текст как произведение речетворческого акта является продуктом речи [СЭСРЯ, 2003: 528–533]. Результаты дискурса, видимо, лучше обозначить более ёмким понятием текста культуры. Очевидно, что дискурс

отличается от текста культуры процессуальностью, открытостью, отсутствием границ (начала и конца), актуальностью. Дискурс следует рассматривать как творимый текст культуры. В свою очередь текст культуры отличается от дискурса результативностью, что выражается в оформленности текста, виртуальностью, то есть отсутствием жёсткой прикреплённости к реальному времени. Таким образом, дискурс находит своё выражение в тексте, а точнее, тексте культуры.

Соотношение рассмотренных понятий отразим на схеме:

Дискурс в ряду смежных явлений

Схема 1

Языки культуры: нарратив → Дискурс: речь → Текст: текст культуры

Как объект науки, дискурс может иметь 2 измерения: реальное и потенциальное. В реальном измерении дискурс представляет собой текущую прагматическую деятельность, взятую во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов, а также возникающие в результате этой деятельности тексты. В потенциальном измерении дискурс – это тезаурус различных по природе знаков, правил их использования, ориентированных на обслуживание данной коммуникативной сферы, совокупность текстов. Безусловно, что изучение дискурса осуществляется преимущественно посредством анализа готовых текстов, то есть в потенциальном измерении.

Выявление концептуальных связей, указывающих на характер отношений между концептами, приводит к получению тезауруса культуры. Составление тезауруса культуры предполагает максимальное привлечение культурных текстов, создаваемых в соответствии с той или иной системой ценностей, формирующих эпистемическую модальность, под которой мы, вслед за Н.Ф. Алефиренко, понимаем ценностно-смысловую позицию для построения текста культуры [2002: 90]. Культурные тексты являются продуктами разных дискурсов. Тем самым дискурс выступает формой порождения смыслов – концептуализации.

Таким образом, дискурс находит своё выражение в тексте, а точнее, тексте культуры, – семиотическом пространстве, любой знаковой природы. Будучи по своей природе знаковым явлением, дискурс имеет три измерения. Перейдём к их рассмотрению.

1.6. Три аспекта дискурса

Дискурс, как семиотическое явление, может быть рассмотрен в трёх аспектах: семантическом, прагматическом, синтаксическом.

В семантическом измерении дискурса изучаются его интенции (назначения, установки), в прагматическом — способы выражения этих интенций, в синтаксическом — связи одного дискурса с другими, а также изменение дискурса по отношению к себе самому.

Итак, семантический аспект дискурса предполагает изучение его интенций. Французские учёные убедительно показали, что дискурс определяется социально-историческими и идеологическими факторами, в частности, он обусловлен продуцирующим его **социальным институтом** (структурой, для которой характерен ряд общественно значимых функций) [Пешё М., 1999; Серио П., 1999 и др.]. В.И. Карасик отмечает: «Социолингвистический анализ дискурса ... требует учёта сложившихся в обществе институтов, таких, например, как образование, медицинская помощь, армия, судопроизводство, политическая деятельность, коммерция, спорт. ... Общественный институт ... представляет собой феномен культуры в его духовном и материальном выражении» [1999: 5–6]. Дискурсы, порожденные социальными институтами, называются **институциональными** [Карасик В.И., 2002: 279]. К институциональным дискурсам относят политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский и др. Е.С. Кубрякова указывает: «...Тип дискурса детерминируется типом социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется и с целями которой он согласуется...» [2004: 525].

Как указывает Е.И. Шейгал, для определения дискурса не менее важны его интенции (назначение) [2000: 18–26].

Концептуализация и категоризация труда, судя по провербальным культурным текстам, наиболее активно осуществляется в пяти дискурсах: обыденном, религиозном, правовом, педагогическом, медицинском.

Результатом первого, условно названного нами **обыденным дискурсом**, является наивная картина мира. Вряд ли в этом случае можно говорить о социальном институте, порождающем дискурс, в роли продуцирующего субъекта здесь выступает вся лингвокультурная общность. По терминологии В. И. Карасика, данный тип дискурса следует отнести к неинституциональным. Коммуникативно-прагматическая деятельность осуществляется в обыденной жизненной ситуации. Лингвокультурная общность руководствуется действующими в данный момент культурными установками и стереотипами. Интенции дискурса определяются задачами повседневного общения, передачей опыта.

Церковь как социальный институт продуцирует **религиозный дискурс**. Основной задачей здесь выступает духовное единение людей. Идеологию религиозного дискурса в нашем случае представляют христианские догмы.

Субъектом, продуцирующим **правовой дискурс**, является государство. Система актуализированных ценностей здесь определяется государственным строем, программой, законами и проч. Дискурс направлен на регулирование правовых отношений между субъектами в социуме.

Школа как система учебно-воспитательных организаций порождает **педагогический дискурс**. Интенцией педагогического дискурса является всестороннее развитие личности как члена определённого социума.

Субъектом, продуцирующим **медицинский дискурс**, является лечебное учреждение. Интенцией данного дискурса является забота о физическом и психическом здоровье человека.

Если продуктом обыденного дискурса является наивная картина мира, то религиозного, правового, педагогического, медицинского – преимущественно научные картины мира. Разделение по указанному принципу текстов о труде, продуцированных данными дискурсами, условно, поскольку картины мира в данной концептуальной области питают друг друга. Тем не менее, как показывает материал, отношения между концептами в обыденной, религиозной, правовой, педагогической, медицинской концептосферах разные, тем самым и процессы концептуализации труда в этих сферах имеют свои особенности.

Дискурсы культивируют ту или иную **идеологию**, под которой, вслед за А.Ж. Греймасом и Ж. Курте, мы понимаем систему актуализированных ценностей [Греймас А.Ж., Курте Ж.: 1983, 496]. Идеология характеризует ту или иную социально-историческую формацию. Тем самым, дискурс обусловлен той или иной социально-исторической формацией. Дискурс, обслуживающий определённую формацию в потенциальном измерении, формирует **дискурсивную формацию**, под которой М. Пешё понимал «то, что может и должно быть сказано в определённой идеологической формации» [1999: 265]. Смена социально-исторических формаций ведёт к смене дискурсивных. Дискурсивная формации принуждает к определённой интерпретации событий, текстов. Она навязывает одну из возможных интерпретаций, которая субъекту представляется как единственная. Таким образом, социально-исторические формации проявляют себя в дискурсивных формациях.

Прагматическое измерение дискурса учитывает формы выражения его интенций. В этом аспекте рассматриваются ролевые позиции, прототипический вариант, жанровые особенности, тональность, типичные образцы того или иного дискурса и много другое. (Подробно об этом [Карасик В.И., 2002: 270–298]).

Синтагматическое измерение дискурса изучает отношения дискурса к самому себе и другим дискурсам. Мы уже говорили, что для дискурса характерна незавершённость. Дискурсивные практики осуществляются постоянно, переходя из одной в другую. Функционирование и развитие дискурса, которое можно условно отразить схемой «что я говорил раньше → что я говорю теперь → что я скажу позже», М. Пешё называл **интрадискурсом**, под которым понимается функционирование дискурса по отношению к нему самому [Пешё М., 1999: 270]. Из приведённой схемы М. Пешё очевидно, что дискурс не имеет начала, он всегда опирается на предшествующий дискурсивный материал, играющий для него роль сырья, первичной материи. Знаки и правила их употребления, которые заимству-

ются из предыдущего дискурса, называются **преконструктами** [Там же: 267]. Прекоконструкт – это след в дискурсе настоящего предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода заготовку, сырьё для данного дискурса.

В предлагаемом исследовании будет рассмотрен преимущественно семантический аспект институциональных и неинституционального дискурсов, в которых находит своё отражение концепт «Труд».

Как видим, модель русской идеосферы в целом состоит из разнообразных картин мира, продуцированных теми или иными дискурсами. Категория труда становится результатом смыслопорождения несколькими дискурсами, что говорит о её актуальности. Набор выделенных дискурсов указывает, что труд осмысливается как в морально-этическом, так и в утилитарно-практическом ключах.

В задачи следующей главы входит изучение особенностей концептуализации трудовой деятельности в выделенных дискурсах.

Перейдём к рассмотрению связей концепта «Труд» с другими концептами, характерных преимущественно для современного историко-культурного среза. В поле нашего зрения будут лишь те связи, которые могут рассматриваться в рамках процесса концептуализации труда.

Глава II. Репрезентация концепта «Труд» в различных дискурсах русской культуры

2.1. Специфика вербализованных связей концепта «Труд» в наивной картине мира

Как уже говорилось, наивная картина мира – результат продуцирования обыденного дискурса, целью которого является общение ради общения, передача необходимого для других членов лингвокультурной общности жизненного опыта.

Ю.Д. Апресян отмечает, что наивная картина мира несколько не проще научной: «...наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные» [1995. Т. 2: 351]. Наивная концептуализация мира воплощается словами, паремиями, фразеологизмами, некоторыми афоризмами, загадками, сказками и др. (Подробнее см. [Токарев Г.В., 2004].

Категория труда в наивной картине мира полифункциональна. Производимые единицы указывают, что труд спасает, даёт человеку силы: «*В ней ясно и крепко сознание, Что всё их спасенье в труде, И труд ей несёт воздаянье: Семейство не бьётся в нужде...*» [Некрасов Н.А., 1954. Т. 3: 88]; «*Впрочем, сейчас было ему не до того, он горел, как свеча, и обретал новые силы только в работе*» [Новиков И.А., 1985: 67]. Трудовая деятельность способствует исправлению отрицательных черт характера людей: «*А по-моему, коль человек не остыл к работе, его не поздно на правильную дорогу вывести*» [Нагибин Ю.М., 1981: 261], как средство, способное притупить душевную боль: «*...глушил себя работой и водкой...*» [Там же: 258]. «*В произошедшем Виктор винил себя, топил своё горе водкой, глушил печаль в работе*» [Кизилов М.Г., 1988: 294]; «*...День придёт – работой тешатся...*» [Некрасов Н.А., 1954. Т. 1: 42]. Труд является условием внутренней гармонии: «*Коняга неуязвим, а потому, что он «настоящий труд» для себя нашёл. Этот труд даёт ему душевное равновесие...*» [Салтыков-Щедрин М.Е., 1946: 79]. Напротив же, плохая работа, неудовлетворённость процессом трудовой деятельности отрицательно воздействует на внутренний мир человека: «*А плохо работать труднее, чем хорошо. Больше душу выматывает плохая работа*» («Комсомольская правда», 1985, №167).

Среди типов концептуальных связей концепта «Труд» с другими концептами преобладают эквиполентные, представленные оппозитивными связями.

Наиболее насыщенной среди них является связь с концептом «Безделье». Бездельем русский человек считает несущественные, безрезультатные занятия: *точить лясы; носить воду в решете; пиво пивом, а дело делом; собака собаку в гости звала: «Нет, нельзя, недосуг» – «А что?» – «Да*

завтра хозяин за сеном едет, так надо вперёд забежать да лаять!»; кнуты вьёт да собак бьёт; пошёл слонов продавать; он состоит в комитете по утаптыванию мостовой; мух бить, меледу меледить, в лапоть звонить и др.

Характерно, что вербализация связи между концептами «Труд» и «Безделье» посредством образного основания однонаправленна, номинации трудовых действий становятся квазистереотипами ситуаций ничегонеделания: *разводит бодягу* (в буквальном прочтении ‘замачивать губку’), *перековать лемех на свайку* (буквально: ‘из сохи сделать шило’); *точить балясы* (буквально: ‘выточить узорные столбики перил’) и др. По-видимому, дефицит времени заставлял русского человека строго подходить к квалификации выполняемой деятельности.

В качестве вербализованного стереотипа безделья выступает игра: *игра игрою, а дело делом; играть в бирюльки; орать, так в дуду не играть; землю пахать – не в бабки играть* и др. Особым, наиболее чётко противопоставленным видом безделья признаётся пустословие: *не спеши языком, торопись делом; кто мало говорит, тот больше делает; работа с зубами, а лень с языком; вощина – не соты, болтовня – не толк; языком масла не собьёшь* и др.

Характерно, что противопоставление концептов «Труд» и «Безделье» осуществляется с опорой на связи с концептом «Время». Противопоставление усиливается характером содержательного наполнения связей: если категория труда стремится к определению посредством концепта «Время», то для концепта «Безделье» это определение не характерно: *работе время, а досугу час; делу время, потехе час* и др. Если время, проведённое в безделье, имеет тенденции удлиниться: *без работы день годом станет; велик день для лодыря; скушен день до вечера, коли делать нечего* и др., то время, отданное труду, уплотняет человеческую жизнь: *мужика не год, а день кормит; час смену бережёт* и др. Если лень поглощает время, то труд, напротив, его сохраняет: *«Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай»* (А.П. Чехов). Труд берёт на себя функции времени быть мерой жизни человека: *жизнь измеряется не годами, а трудом* и др.

Безделье интерпретируется русским сознанием преимущественно в отрицательном ключе, поскольку оно отвлекает человека от труда, от возможности заработать себе на жизнь, растлевает его внутренний мир: *труд человека кормит, а лень портит; где работно, там и густо, а в ленивом дому пусто; губит лень, спасает трудодень* и др. Однако эта интерпретация не является единственной. В том случае, когда безделье прерывает цепь тяжёлых трудовых будней, давая возможность труженику передохнуть, оно одобряется: *без погулки день потеряешь, не воротишь, а работа всегда перед тобой; мешай дело с бездельем, проживёшь век с весельем; кто с трудом в ладу, тот и с отдыхом не в споре* и др.

Труд осмысливается как нечто активное, посягающее на безделье: *кто труда не боится, того и лень сторонится* и др.

Связь концептов «Труд» и «Безделье» основана на полном взаимопротивопоставлении содержания одного другому.

С концептом «Безделье» причинно-следственными отношениями связан концепт «Скука»: отсутствие работы, ничегонеделание приводит к скуке. Связанные привативными отношениями, концепты «Безделье» и «Скука» противопоставляются концепту «Труд»: *не сиди сложа руки, так и не будет скуки; кто на все руки, у того нет скуки; «Скучно; работать хочется, а здесь нельзя»* [Тургенев И.С., 1954. Т. 3: 91] и др.

Насыщенными являются связи концептов «Труд» и «Пьянство». Как и в случае с концептом «Безделье», концепты «Труд» и «Пьянство» исключают друг друга: *вино ремеслу не товарищ; вино не снасть: дела не управит* и др. В обыденном понимании пьянство быстро и безвозвратно поглощает результаты работы: *работа денежку копит, хмель денежку топит; вот то ремесло, что весь дом растрясло* и др. Человек, владеющий ремеслом, но склонный к пьянству, получает в русской лингвокультурной общности отрицательную оценку: *знай одно ремесло да блюда, чтоб хмелем не поросло; хорошо было ремесло, да хмелем заросло; что сам заробил, то сам и пропил* и др.

В свою очередь концепт «Пьянство» вступает в эквиполентные связи с концептами «Безделье» и «Скука». Историк русского быта Иван Прыжков пишет: «Питье составляло веселье, удовольствие...» [Цит. по Степанов Ю. С., 2001: 301]. Тем самым пьянство отчасти является способом времяпрепровождения, средством уйти от скуки.

В сложных связях находится концепт «Труд» с концептом «Воровство». С одной стороны, концепты вступают в отношения частичного уподобления. Оно осуществляется с опорой на смысл 'приносить материальный эффект': *не у ремесла вор, так у промысла; ремесла не водит, а промысел держит (вор); не с ремеслом вор – и не без промысла* и др. С другой – концепты противопоставляются друг другу. В основу противопоставления кладутся смыслы: «результат своего vs. чужого труда»; «совершать действие, прилагая физические усилия», «обладать специальными знаниями» и т. п.: *всяко ремесло честно, кроме воровства; худое ремесло лучше хорошего воровства; «Трудиться всегда долго. Это воровать только быстро»* [Коняев Н., 1989: 137]. Оппозитивная связь концептов указывает на то, что труд понимается как честное, благородное занятие.

Рассмотренные концепты «Безделье», «Скука», «Пьянство», «Воровство» входят в привативные связи с концептом «Зло». Тем самым труд понимается как выражение добра и противопоставляется злу: *«Работай каждый на себя, тогда ничего не будет, никакого зла»* [Горький М., 1989. Т. 7: 315] и др.

Осмысление труда как проявления добра поддерживается отношениями тождества между концептами «Труд» и «Наслаждение», «Счастье»: *«Если труд удовольствие, то жизнь – наслаждение»* («Дошкольное воспитание», 1990, № 2); *где труд, там и счастье; «Счастье даётся тому, кто много трудится»* (Н. И. Новиков); *«Человек должен трудиться, ра-*

ботать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги» (А. П. Чехов); «Облагороженный технически, осмысленный социально, труд стал наслаждением человека» (М. Горький); «Будем трудиться, потому что **труд** – это отец удовольствия» (Стендаль), «**Труд** для человека не мученье, а **радость**» (Л.Н. Толстой); «**Ведь удовольствие, действительно, в труде**» [Гоголь Н.В., 1959. Т. 5: 81] и др. Эти же концептуальные связи объективированы в многочисленных народных сказках («Две доли» и др.).

Трудовая деятельность отождествляется с жизнью человека. «**Ведь и жизнь вся такая: труд, труд, изо дня в день, недели, месяцы, годы**» [Серафимофич А.С., 1985: 52]. «...Есть для человека и ещё великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца, – мир исторического созерцания и общественной деятельности – тот великий мир, где мысль становится делом, а высокое чувствование – подвигом... Это мир непрерывной работы, нескончаемого делания и становления...» (В.Г. Белинский); «**Благословенный труд** не покидает этой семьи; он не кажется ей каторгой, а составляет естественный жизненный процесс» [Салтыков-Щедрин М.Е., 1974: 281]; «...Вековечный труд – это и есть жизнь и интерес жизни...» [Успенский Г.И., 1977: 222]; «**Все люди делом живы**» [Горький М., 1989. Т. 7: 244] и др. Более того, труд осмысляется как закон жизни и условие жизни: «**Постоянный труд – закон как искусства, так и жизни**» (Бальзак); «**Труд** есть одно из непременных условий искусства **дожить до ста лет**» (М. Шеврель) и др. В словаре русского языка XVIII века безделье дефинируется как беззаконие, а бездельник как «тот, кто совершает противозаконные, бесчеловечные поступки» [Словарь русского языка XVIII века, 1989. Т.1: 169]. А в большом академическом словаре жизнь человека отождествляется с трудовой деятельностью, что отражает девятое значение глагола *жить*: *жить* – ‘содержать себя, добывать средства к жизни’.

Интерпретация труда посредством концепта «Зло» не является единственной. Языковой материал указывает на амбивалентное осмысление связей этих концептов: труд есть добро, и он же зло: «**Чрез бездны тёмные Насилия и Зла, Труда и Голода она меня вела**» и др. [Некрасов Н.А., 1954. Т. 1: 76], «...Но тут услужливо могила Ему объятья растворила: **Замучен жизнью трудовой И постоянной нищетой Он умер...**» [Там же: 88]; «**От работы и чёрной и трудной отцветёшь, не успевши расцвететь...**» [Там же: 41]; «**Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде на фабриках...**» [Толстой Л.Н., 1958. Т. 10: 273] и др.

Отождествление труда со злом происходит и на основе пересечения концептов «Труд» и «Воля / Свобода». В наивной картине мира существуют представления о том, что труд – занятие подневольное. Данные представления сформировались как реакция на крепостное право: *работай до поту, выработи кабалу; нужда учит, барщина мучит; до поля – воля, а в поле – поневоле* и др. Воля в наивном понимании имеет большую ценность,

нежели труд: *под одним окном постучит, под другим выпросит, под третьим отдохнёт – поддѣвочка-то сера, да волюшка своя; «...Принцип национальной независимости: «Ничего не делаю, значит – я свободен; нанимаю, значит – я независим»; тот же принцип иначе выраженный: «Я много тружусь, следовательно, раб я, нанимаюсь, следовательно, чужой хлеб ем». Не труд нас кормит – начальство и место кормит; дающий работу – благодетель, работающий – благодетельствуемый, наши начальники – кормильцы. У нас самое слово «работа» происходит от слова «раб», хотя странно – мы у бога не рабы, а дети. Вот отсюда-то для многих очень естественно и законно вытекает презрение к труду, как признаку зависимости, и любовь к праздности, как имеющей авторитет свободы и человеческого достоинства...» [Помяловский Н.Г., 1965: 73]; «Труд подневольный не даёт работнику личной пользы – в этом есть тягость, а не в напряжении физическом» [Чехов А.П., 1970. Т. 8: 221]. В настоящее время это представление изменило свою интерпретацию, утратило свою актуальность, но не ушло совсем. Ср.: *на работу, как на ка-торгу* и др.*

Труд осмысливается как проявление зла и потому, что лишает человека физического **здоровья**: *от работы не будешь богат, а будешь горбат* и др.

Противопоставление «Труда» концепту «Правда» указывает, что дело может осмысливаться как тёмное, основывающееся на обмане занятие: *дело знай, а правду помни; дело делай, а правды не забывай* и др.

Таким образом, оппозитивные связи концепта «Труд» с концептами «Зло», «Безделье», «Скука», «Пьянство», «Воровство» определяют трудовую деятельность как существенное, серьёзное, приносящее средства существования, честное, благородное занятие. Труд в наивной картине мира является проявлением добра, он помогает человеку избавиться от пороков. Включение в оппозитивные отношения концепта «Время» углубляет данную интерпретацию анализируемого концепта. Труд является проявлением добра, что находит своё выражение при установлении отношений тождества между концептами «Наслаждение» и «Счастье». В то же время трудовая деятельность интерпретируется как тёмное, нечестное, лишаящее человека воли, здоровья занятие. Указанная интерпретация основана на оппозитивных связях концепта «Труд» с концептами «Воля», «Здоровье», «Правда». Таким образом, оппозитивные связи вскрывают амбивалентный характер концептуализации труда.

Кроме оппозитивных, концепт «Труд» вступает с рядом концептов в эквиполентные связи других видов. К таким концептам относятся: «Собственность», «Справедливость», «Деньги», «Родина», «Согласие», «Любовь», «Семья», «Терпение», «Наука» / «Знание» / «Умение». Рассмотрим особенности связей с этими концептами.

Сложность условий труда на Руси определяла особенности понимания сущности семьи. Связь концептов «Труд», «Семья», «Любовь» основана по крайней мере на двух древних представлениях.

Во-первых, культ интимных отношений, предваряющих вступление в брак, был связан с древними представлениями о том, что продуцирующая функция человека и всей природы в целом, в частности земли, имеют единые корни и могут влиять друг на друга. В.Я. Пропп отмечает: «...Совершение брака ... считалось нужным в целях воздействовать на плодородие земли» [2000: 65]. Насыщенность связей между данными концептами особенно ярко отражена невербальными средствами, в частности многообразными обрядовыми действиями (колядование на масленицу; игры, имитирующие свадьбу и др.) [Там же]. Связи между концептами «Труд» и «Любовь» находят своё выражение посредством внутренних форм. Интимная сфера, как правило, табуируемая в русской культуре [Степанов Ю.С.: 2001: 412], объективируется вторичными номинациями, образное основание которых апеллирует к сценариям трудовых действий: *солить рыжики на пост* 'поцелуй', *клинья подбивать* 'ухаживать' и др. Получали функцию квазисимволов многообразные слова, именующие атрибуты трудовой деятельности: *путо, узда, пахать, орать* и др. (символы любви, брака, интимных отношений) [Там же: 73, 89].

Во-вторых, связь между указанными концептами основывалась на представлениях о семье как трудовом союзе: *в 18 лет жениться, чтоб на тягло садиться; кто сколько душ тянет, столько землицы и берёт* и др. Семьи классифицировались в зависимости от числа рабочих рук: *двуробочая семья* (в семье двое работающих); *тройниковая* (в семье трое работающих); *четверник, многоробочая* и др. [СД] Выбор жены чаще основывался на принципе хозяйственной выгоды: *знатную взять – не сумеет к работе пристать*.

В России долгое время существовала традиция жить большой семьёй, сыновья держались за отца, не обзаводились своим хозяйством, поскольку вместе было проще решать хозяйственные задачи [Платонов О.А., 1991]: *мели, Емеля, твоя неделя* (от обычая чередовать выполнение членами семьи хозяйственных работ) [Бирих А.К. и др., 1998: 180]. Такой трудовой союз определял и характер отношений в семье: *на дворе молотится, так в избе не колотится; не та родна дочь, что бежит от дела прочь, а та дочь родна, что на всякой работе видна* и др.

Концептуальные связи «Труд» ↔ «Семья» определяют связь и с концептом «Согласие». Коллективное осуществление трудовой деятельности предполагает согласие и взаимопонимание между её исполнителями: *«Когда в товарищах согласья нет, На лад их дело не пойдёт, И выйдет из него не дело, Только мука»* (И.А. Крылов «Лебедь, щука и рак») и др.

Осмыслению процесса труда и его результативности способствуют связи концепта «Труд» с концептами «Собственность», «Справедливость». В наивном понимании труд должен определять право на собственность: *не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а тот, кто по ней за сохой ходит; кто поле вспахал, тот и сеять будет* и др. Однако нарушение этого неписаного закона приводит к пониманию бесполезности, тщетности труда, несправедливости жизненного устройства: *в горode ни ткут, ни прядут, да*

тоньше нашего ходят; не всяк толчёт, а всяк ест; будто одни шубники в шубах ходят; есть раденье, да нет владенья; барам косим, а себе хлеба просим; орём землю до глины, а едим мякину и др. Результаты честного труда не приносят **богатства**, а лишь дают достаток: *трудом праведным не наживёшь палат каменных; от трудов своих сыт будешь, а богат не будешь; «Вдали рассыпанные хаты, На влажных берегах бродящие стада, Овины дымные и мельницы крылаты; **Везде следы довольства и труда**»* [Пушкин А.С., 1949. Т. 1: 282–283] и др. Честный труд награждает человека **покоем**: *«Нет слаще покоя, покупаемого трудом»* (А.П. Чехов) и др. Деньги, нажитые честным трудом, получают большую ценность, так как дают труженику уверенность: *трудовая денежка всегда крепка; трудовая денежка плотно лежит; чужая ребром торчит; трудовая копейка впрок идёт; трудовая денежка до веку живёт* и др.

Если честный труд в русском понимании не может стать условием богатства, то **честь** и уважение труженику он обеспечивал обязательно: *по труду и честь; «...В своих дерзаниях всегда мы правы Труд наш есть дело чести...»* [«Песни наших дней», 1985: 59–60]; *«...и если человека отличают глубокое знание дела, большое трудолюбие, инициативность в работе, ... он пользуется глубоким уважением в коллективе работников»* («Труд», 1978, № 171) и др.

Окружение честного труженика ореолом чести и уважения связано с интерпретацией труда как **служения своей Родине**: *где родился, там и сгодился; жить – родине служить; трудиться на благо Родины; «Кто с пользой отечеству трудится, Тот с ним легко не разлучается; А кто полезным быть способности лишён, Чужая сторона тому всегда приятна...»* (И.А. Крылов) и др.

В обыденном миропонимании хороший результат труда обусловлен знаниями и терпением, что отражено связями концепта «Труд» с данными концептами.

Терпение осмысливается как необходимый атрибут труда: ***терпение и труд всё перетрут***; *«Желая их привести в порядок и вникнув в них, я открыл, что главное заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков, и зло такое, которое можно исправить только трудом и терпением»* [Толстой Л.Н., 1958. Т. 2: 271]; *«И должен человек жить в труде и смирении»* [Горький М., 1986: 455] и др. По линии концептуальной связи «Труд» ↔ «Терпение» развивается противопоставление труда и таланта. Труд, в противопоставлении таланту, требует времени, терпения: *«Я не принадлежу к тем людям, которые видят за густыми лаврами успеха девяносто пять процентов труда и пять процентов таланта»* [Вознесенский А., 2000: 219] и др. Концепт труд вступает в эквиполентные связи с концептом «Воля»: *«Воля и труд человека дивные дивы творят»* (Н.А. Некрасов) и др.

Концепт, который мы условно именуем несколькими лексемами «Знание» / «Наука» / «Умение», на наш взгляд, связан причинно-следственными связями с концептом «Терпение». Вспомним, что в основе

содержания этимона ключевых слов *наука, учение* лежит сема «привыкать» (этимологически однокоренные с *выкнуть, обвыкать, обычай*) [Фасмер М.: 1996. Т. 3: 49]. Таким образом, историческую связь концептов «Терпение» и «Наука» / «Умение» можно определить так: «терпя, привыкаешь, получаешь опыт, знания». Опыт, знания приобретаются только в процессе труда: *дело учит, и мучит, и кормит*.

Знания непосредственно сопряжены с трудом: *ученье и труд вместе живут; мы науку уважаем – значит, будем с урожаем, первоучина ‘первая работа’ и др.* Знания делают человека хозяином дела, что определяет их ценность: *«Понимают, поди-ка, что наукой можно человечьи руки нарастить выше облака»* [Бажов П.П., 1988: 600]; *«Машина – строгая вещь. Для неё ум и ученье нужны, а чернорабочий – одна сырая сила»* [Платонов А.П., 1981: 47] и др. Особая ценность отдаётся трудовому опыту: *молодой работает, старый ум отдаёт* и др. Умение оценивается выше, чем результат труда: *не работа дорога, умение* и др.

Рассмотренные эквиполентные связи между концептами определяют понимание труда как социально значимой деятельности, устанавливающей роль и место человека в обществе. Труд является основой права на собственность. Осуществление трудовой деятельности требует терпения и умения.

С рядом ментальных категорий концепт «Труд» входит в привативные связи. Как уже отмечалось, одной из них является концепт «Добро»: *без труда нет добра; «Без труда не бывает добра, как чистоты без уборки»* («Советский Союз», 1990, № 2).

Источником добра в наивной картине мира является Бог. В наивном мировосприятии бытуют представления, что труды даны человеку от Бога: *послал Бог работу, да отнял чёрт охоту; у Бога дней впереди много: наработаемся* и др. Бог поддерживает трудолюбивого человека: *Бог труды любит; кто перекрестясь работает, тому божья помощь; кто рано встаёт, тому Бог подаёт; жилами не нажить, чего Бог даст* и др. В то же время обыденная философия учит надеяться только на собственные силы, а не на Бога: *кто надеется на небо, тот сидит без хлеба; Богу молись, крепись да за соху держись; Богу молись, а сам трудись; Богу молись, а в делах не плошись; на Бога уповай, а без дела не бывай; бог-то бог, да и сам не будь плох* и др. Такие представления имеют тенденции модифицироваться в атеистические: *«...никакой нежности, глубокой надежды или чувства утраты нельзя было разглядеть в глазах нарисованной богоматери, хотя обычный её сын не сидел сейчас у ней на руках; рот её имел складки и морщины, что указывало на знакомство Марии со страстями, заботой и злостью обыкновенной жизни, – это была неверующая рабочая женщина, которая жила за свой счёт, а не милостью бога. И народ, глядя на эту картину, может быть, также понимал в тайне верность своего практического предчувствия о глупости мира и необходимости своего действия...»* [Платонов А.П., 1981: 39]; *молитвой не пашут, словами не жнут* и др. Сглаживает противоречие здесь представ-

ление о том, что от Бога исходит лишь возможность трудиться: *Бог дал здоровье в дань, а деньги сам достань; дал Бог руки, а верёвки сам вей.*

Связи данных концептов продуцируют также смысл «коллективный характер труда», «общественная польза деятельности»: *Божья тварь Богу и работает; не на себя пчела работает* – что находило своё отражение и в общинном характере русского уклада жизни.

Рассмотренные привативные связи указывают на осмысление труда как проявления добра. Труд – вид деятельности, данный человеку Богом и приносящий всему человечеству благо.

Таким образом, концепт «Труд» в наивной картине мира вступает в разнообразные связи, среди которых преобладают эквивалентные. Оппозитивные, причинно-следственные, условные связи, представляющие эквивалентные отношения, являются ярким свидетельством активности процессов концептуализации.

Подавляющее большинство концептов положительно маркируют категорию труда. Многообразие концептуальных связей, в которые вступает концепт «Труд» для обогащения своего содержания, указывает на его значимость в культурном пространстве.

Концепт «Труд» не менее актуален в религиозном, педагогическом, правовом, медицинском дискурсах, тексты которых преимущественно формируют научную картину мира. Н. Ф. Алефиренко отмечает: «В других типах дискурса отмечаются лишь фактуальные, статистические и прагматингвистические вариации его основного механизма, дискурса разговорного» [2002: 105]. Поэтому при рассмотрении данных дискурсов наше внимание будет сфокусировано на их ценностной шкале, особенностях концептуализации трудовой деятельности, в частности на связях концепта «Труд» с другими концептами.

2.2. Концептуализация труда в институциональных дискурсах

2.2.1. Специфика концептуализации труда в религиозном дискурсе

В настоящей работе мы рассмотрим особенности концептуализации труда, проявляющиеся в связях между концептами, в религиозном дискурсе, представленном христианскими православными текстами как наиболее распространёнными в русской культуре.

В библейской интерпретации труд является наказанием Адама и его потомков за то, что тот нарушил запрет вкушать плод: *«А ты, – сказал Бог Адаму, – за то, что не послушался меня и съел запретный плод, вовеки веков будешь добывать хлеб свой в поте лица – будешь пахать землю и сеять зерно, и каждый кусок хлеба достанется тебе тяжёлым трудом...»* («Вавилонская башня и другие библейские предания», 1992: 95]. Тем самым труд в христианской интерпретации является последствием греха и средством его искупления. Поэтому различные с точки зрения жанра христианские православные тексты репрезентируют идею божьей благодати за земные труды: *«Некоторые из членов Церкви ещё во время земной жизни своими трудами, добрыми делами, искренней любовью к Богу и к людям получают особую благодать Божию и после телесной смерти удостоиваются особого прославления на Небе»* [Иеромонах Харитон, 1992: 252]; *«...работающие Господу здесь награду свою имеют, ибо благодать Божия видимо пребывает на тех, кто трудами своими стяжали истинную добродетель»* [Игнатъев П., 1996: 122] и др.

Труд признаётся одним из немногочисленных путей единения человека с Богом, главным принципом добродетельного жития: *«Я хотел быть служителем Бога и много трудился для того, чтобы стать им»* [Диакон Андрей Кураев, 1999: 134]; *«...основание добродетельного жития есть труд...»* [«Училище благочестия», 1991: 87].

Труд осмысливается как форма воспитания и укрепления духа: *«...ежедневно пребывая в подвиге, труде и многом терпении, обязан через борьбу с духовными противниками преуспевать и расти до полноты духовного возраста...»* (Преподобный Ефрем Сирин) и др.

Однако не всякий труд признаётся благом. Концептуализация в рамках христианского православного дискурса осуществляется по линии определения видов труда.

Во-первых, выделяется труд физический и духовный – два вида, которые должны гармонично сочетаться в жизни каждого человека: *«Братия, собравшись к преподобному Агафону, спросили, что важнее, телесные подвиги или душевные. «Человек подобен дереву, – отвечал старец, – телесные занятия приносят листья, а душевные произрастают плод...»* [«Училище благочестия», 1991: 85]. Характерно, что через квази-

стереотип *растение*, подчёркивается значимость трудов души, которые репрезентируются образом *плод*.

Особой разновидностью духовного труда является молитва. На пути к постижению Бога труд материальный должен обязательно чередоваться с молитвой. Молитва делает труд содержательным, целенаправленным. Напрасность трудов, не увенчанных молитвой, эксплицируется многообразными развёрнутыми метафорами-притчами: *«Рыбак перевозил на лодке одного «вольнодумца». Отплыли от берега, пассажир торопил рыбака: «Быстрее, опаздываю на работу!». И тут увидел, что на одном весле написано «Молись», а на другом «Трудись». «Зачем это?» – спросил он. «Для памяти», – ответил рыбак, – чтобы не забывать, что надо молиться и трудиться. – «Ну, трудиться, понятно, всем надо, а молиться, – вольнодумец махнул рукой, – это не обязательно. Никому не нужно!» — «Не нужно?» — переспросил рыбак и вытащил из воды весло с надписью «Молись», а сам стал грести одним веслом. Лодка закружилась на одном месте. — «Вот видишь, какой труд без молитвы? На одном месте кружимся, никакого движения вперёд!» Так и в житейском море: чтобы переправиться на тот берег, в вечную блаженную жизнь, нужны два «весла»: молитва и труд» [Лавров С., 1993: 55–56]. Данный пример иллюстрирует факт равноценной важности в жизни человека труда физического и духовного. Эта идея находит свою объективацию посредством внутренней формы *весло*. Весло – средство, необходимое для движения по воде. Труд представляется квазистереотипом «плыть на лодке», что подчёркивает обязательность усилий со стороны человека, а также гармоничное использование двух источников этого движения. Анализируемый квазистереотип предполагает, что это руки.*

Молитва осмысляется как труд духовный, подготавливающий человека к труду материальному. Тем самым молитва и труд дополняют друг друга: *«Молитва и труд друг друга подкрепляют взаимно: молитва дарует силы к понесению труда, на который каждый человек рождается; а труд, разгоняя зловерные помыслы ... предуготовляет уму и сердцу благоговейное спокойствие и глубокое внимание для часов молитвенных»* [«Училище благочестия», 1991: 67].

Труд физический обладает более низким статусом, поскольку он направлен на создание земных благ. Экспликации такого положения дел служит специально созданное в данном дискурсе слово *поделье* 'земной, необходимый для поддержания физической жизни труд': *«...чтобы руки их не были праздны, должны были заниматься рукоделием, или, как говорят иноки, — «подельем», потому что настоящее «дело» инока — спасение своей души...»* [Архиепископ Никон Рождественский, 1997: 96].

Отсюда второе основание для дифференциации труда: труд суетный, корыстный, ложный vs. труд во спасение души, бескорыстный, истинный: *«И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем»* [Библия, 1992: 673] и др.

Истинный труд совершается не ради людской благодарности, почёта, а лишь во спасение, во славу Божию. Такой труд сопровождается кротостью и смирением: *«Всякое дело надо исполнять честно и любовно, всё надо делать во славу Божию, а не из-за почести...»* [«Жизнеописание старца схиигумена Саввы», 1999: 38]; *«Если кто делает и трудится видимо, но не стяжевает слёз, покаянного сокрушения, бесстрастия и смиренномудрия с кротостью, то не по Богу делание его, а для того лишь, чтобы понравиться людям* [«Крупницы духовной мудрости», 2000: 66].

Христианская таксономия трудовой деятельности проливает свет на функции труда. Концептуализация функций труда отличает православный дискурс от других религиозных дискурсов. Так, ветхозаветная трактовка (дискурс иудаизма) функций труда осмысляет его как деятельность, обогащающую, дающую средства к пропитанию: *«Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его»*; *«От всякого труда есть прибыль...»*; *«Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает»* [Библия, 1992: 651]. Католический, адвентистский дискурсы также акцентируют внимание на материальной пользе труда, поощряя такое качество, как предприимчивость.

В христианской доктрине труд спасает душу, наделяет человека мудростью: *«Труд ... может привести к спасению души...»* (Протоиерей Григорий Дьяченко); *«За подвиги, труды, любовь и послушанье Бог наградил Саровского всезнанием ...»* [Шорыгина Т., 1996: 32].

Физический труд укрощает плоть, помогает человеку избежать грехопадения: *«Когда тБло победит тебя, укрощай его трудами...»* («Слово Преподобного Иоанна»); *«Тело надобно поработать и утомлять долгим трудом»* («Крупницы духовной мудрости») и др. Труды спасают душу, принося человеку утешение и всепрощение: *«Труды — телу честь и душе спасение»* (Старец Амвросий); *«Ищи подкрепления в молитве и утешения в работе»* («Преподобные старцы Оптиной Пустыни», 1989, 56); *«Некоторые взяли на себя труды и подвиги, чтобы получить прощение»* [Иоанн Лествичник «Греховные страсти и борьба с ними», 1999: 14]. Через труды возможно соединение человека с Богом: *«Поскольку Бог хочет быть познанным нами, постольку Он открывается. И поскольку откроется, постольку Его видят и познают достойные. Но сподобиться этого и испытать это никто не может, если не соединиться с Духом Святым, стяжав прежде стараниями и трудами сердце чистое, простое и сокрушённое»* (Преподобный Симеон Новый Богослов).

Религиозный дискурс формирует ряд установок, эксплицирующих ценностный статус труда, определяющих сценарии поведения членов православного социума. К ним относятся следующие.

- Трудись усердно, в поте лица, но знай меру в труде. *«Ни Бог, ни я тебе не помогут, если сам не будешь трудиться»* [Игнатъев П., 1996: 33]; *«И на малое время не оставайся в праздности, а пребудь всегда в трудах и занятиях, ибо не трудящийся недостоин имени человека»* [Архиепископ Костромской Платон, 1988: 123]; *«Не надобно быть нико-*

гда без дела, но не должно заниматься делом через меру, не по силам – надо держаться середины» («Крупницы духовной мудрости», 2000: 57]; «Делай всё по силам своим, тогда не будешь раздражаться и возмущаться. И тщеславия тогда не будет!» [«Жизнеописание старца схиигумена Саввы», 1999: 131].

- Трудись на благо общества, будь полезным людям. *«Одно желание в себе храните: угодить Богу. Друг друга любите. И трудитесь на общую пользу»* [Рожнова П. К., 1997: 44]; *«Иисус Христос учит, что человеку надлежит заботиться о своей плоти лишь настолько, чтобы не умереть, а всё прочее время и труды свои отдавать другим»* [Игнатъев П., 1996: 103]; *«...Александр много потрудился для Отечества и Бог благословил труды его...»* [Хитров М., 1991: 213].

- Не ищи лёгкого и приятного для себя труда. *«Не надобно изыскивать такого труда, который приятен нам»* [«Маргарите, или Избранные душеспасительные изречения», 1993: 87].

- Кто не работает, тот не ест. Каждый должен жить своими трудами. *«...Когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»;* *«Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас»* [Библия, 1992: 241]; *«Ты будешь есть от трудов рук твоих, блажен ты, и благо тебе»* [Библия, 1992: 572].

- Уважай трудящегося. *«Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас; и почитать их преимущественно с любовью за дело их»* [Библия, 1992: 207].

Культурные установки православного дискурса характеризуются эксплицитностью, что характерно для религиозного дискурса в целом [Карасик В. И., 1999: 9]. Православные культурные установки были полностью усвоены общенародной культурой, что нашло своё отражение в многочисленных квазистереотипах русского языка (в чём мы могли убедиться выше).

Итак, труд в религиозной трактовке – это основной закон добродетельной жизни человека. Рассмотренная идеология православного дискурса определяет его интенции, целью которых является духовное единение верующих через усердный труд, направленный на благо общества, защищающий человека от пороков. Постоянный бескорыстный труд наделяет человека мудростью.

Рассмотрев особенности концептуализации труда в православном дискурсе, перейдём к исследованию взаимосвязи концептов в продуцированной им картине мира.

Связи концептов «Труд» и «Бог» не могут быть однозначно охарактеризованы. С одной стороны, концепты находятся в привативных связях. Концепт «Бог» в религиозно-философских текстах представлен как источник добра, Царства Божия. Духовное единение верующих с Богом возможно в усердном и бескорыстном труде: *«Никто не может приобрести что-либо благое, иначе как с великим трудом и скорбями»* [«Маргарите, или

Избранные душеспасительные изречения», 1993: 63]. С другой – между данными концептами можно усмотреть эквивалентные, причинно-следственные связи: жизнь в постоянном труде позволяет человеку войти в Царство Божие: *«В настоящее время на земле в жизни человеческой, не переставая, борются два царства: царство добра и зла, царство Божие и царство дьявола. Когда люди живут хорошо: любят правду и добро, помогают друг другу, усердно трудятся и стараются поступать по закону христианскому, то в них берёт силу Царство Божие»* [Краткий молитвослов, 1987: 43].

Таким образом, если в наивной картине мира Бог представляется в виде высшего существа, которое заставляет человека работать и по своему желанию поощряет его за труды, то в религиозном дискурсе перед человеком ставится проблема выбора между Царством Божиим и царством дьявола. Если же эта проблема решена, и верующий стремится к единению с Богом, то ему необходимо наполнить свою жизнь бескорыстным, полезным для других, усердным трудом. Если душа достигает Царства Божия, Бог обязательно награждает человека за труды. Схематично связь между этими концептами можно показать так: Бог → труд → человек (наивная картина мира), человек → труд → Бог (православная картина мира).

В процессе концептуализации трудовой деятельности религиозным дискурсом активно используется приём отождествления концептов.

Так, концепт «Труд» отождествляется с концептом «Жизнь». Труд понимается как закон добродетельной жизни: *«Сеять и жать – закон жизни»* [Игнатъев П., 1996: 72]; *«И усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать своё дело и работать своими собственными руками...»* [Библия, 1992: 249]. Жизнь даётся человеку, чтобы трудиться, поэтому вся жизнь есть непрерывный труд: *«Всё, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдёшь, нет ни работы, ни размышления, ни знаний, ни мудрости»* [Библия, 1992: 673]; *«Настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а будущая — венцам и наградам»* (Святой Василий Великий). Проходя через всю человеческую жизнь, труд становится своеобразной мерой её полноты: *«Говорят: «Да, по плодам определяется достоинства дерева, по делам человека определяется, какова была его жизнь»* [«Жизнеописание старца схиигумена Саввы», 1999: 49].

Труд осмысляется как **борьба** и **подвиг**: *«Бог создал два мира: один настоящий, другой будущий; один для нас поприще, другой — награда; в одном быть в борьбе, в труде и подвиге, в другом — венцы, награды, воздаяние»* [Лавров С., 1993: 27].

Через отождествление с концептом «Польза» труду даётся практическая оценка: *«Что трудом приобретается, то и бывает полезно»* («Преподобные старцы Оптиной Пустыни», 1989: 37).

Таким образом, отношения тождества между концептами подчёркивают обязательность труда для человека. Труд осмысляется как динамич-

ная сложная, самоотверженная деятельность, приносящая практическую пользу.

С рядом концептов «Труд» вступает в эквивалентные связи. К этим концептам относятся «Смирение», «Любовь», «Надежда», «Время»: «*Слава Бога паче делами: воздержанием, трудолюбием, любовью, милосердием, смирением и терпением*» [Святой Иоанн Кронштадский «Моя жизнь во Христе», 1991: 63].

Труд сопровождается **надеждой** человека на милость Божию: «*С надеждою связаны труды наши, на ней зиждутся подвиги, её милость Божия окружает*» (Иоанн Лествичник «Греховные страсти и борьба с ними»).

Концепт «Смирение» определяет понимание труда как подлинное служение Богу: «*...истинный трудъ не можетъ быть безъ смиренія, ибо сам по себѣ трудъ суетенъ и не вмѣняется ни во что. Писание говоритъ: виждь смиреніе моѣ и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя (Пс. 24, 18). И такъ кто соединяетъ смиреніе съ трудомъ, тотъ скоро достигнетъ (цѣли)*» [«Вопросы преподобного Дорофея и ответы, данные на них святыми старцами Варсануфием великим и Иоанном», 1988: 32]. В христианской картине мира смирению противопоставляется гордыня. Средством борьбы с гордыней являются телесные труды: «*...путь смирения — телесные труды...*» [«Крупницы духовной мудрости», 2000: 116]; «*...истинное смирение никогда не бывает без труда...*» [«Преподобные старцы Оптиной Пустыни», 1989: 12] и др.

Праведные труды не только помогают человеку справиться с гордыней, они являются выражением чувства **любви** к своему ближнему и Богу: «*Любить – значит делом и трудом своим помогать людям*» [Игнатъев П., 1996: 199]; «*Любовь к Иисусу проявляется в желании трудиться, как Он трудился для благословения и духовного подъёма человечества*» [«Путь ко Христу», 1993: 81]. Таким образом, любовь является, с одной стороны, причиной труда, с другой – его следствием.

В христианской доктрине только труду подвластно обуздать бег **времени**, поскольку свершившиеся деяния во славу Бога поднимаются над суетой и увековечиваются: «*Время кратко, и надо беречь его каждый день, каждую минуту будем работать для вечности*» [«Жизнеописание старца схиигумена Саввы», 1999: 63].

Рассмотренные концептуальные связи указывают, что в христианском дискурсе труд является выражением надежды и любви, он исключает проявления гордыни, возвышает человека над суетой и делает его душу бессмертной.

Концепт «Труд» обогащает своё содержание благодаря оппозитивным связям с другими концептами. Необходимо отметить, что этот вид связей в религиозном дискурсе представлен менее разнообразно, чем в обыденном. Наиболее насыщенными являются оппозитивные связи между концептами «Труд» и «Лень». Лень осмысливается как составная часть зла, порождающая излишнюю чувственность: «*Чувственность – величайшее*

зло и пагуба для человека. Первый гнусный плод её есть лень, отвращение к труду и ко всему доброму, где требуется какое-либо усилие и напряжение. Чувственный человек не знает наслаждения труда и разумной деятельности, это всегда для него тяжесть, бремя, проклятие, но никогда – средство добродетели, серьёзная, важная обязанность и установленный Богом порядок. Чувственный человек боится телесного труда, так как он причиняет беспокойство его изнеженности; он боится умственного труда, так как тот требует напряжения духовных сил» [Иринеи, епископ Екатеринбургский и Ирбитский, 1997: 215]. Ранее мы могли убедиться в том, что в наивной картине мира безделье осмысляется как отсутствие предприимчивости, избегание значимых с хозяйственной точки зрения дел или выполнение несущественной, бесцельной, бесполезной работы. В религиозной картине мира лень осмысляется как небогоугодное, лёгкое, беззаботное существование человека: «Желающий угодить Богу не должен вести праздной и приятной жизни» (Святой Иоанн Златоуст). Границы лени более чётки и узки: дифференцирующим признаком становится не критерий практической ценности, как в обыденном дискурсе, а принцип духовности. (Слово *лень* значительно чаще используется в религиозных текстах. Принимая во внимание этот факт, а также признак разграничения ментальных сфер «Труд» / «Безделье», в православной картине мира мы рассматриваемый сейчас концепт именуем словом *лень*.) Как уже говорилось выше, Бог требует от человека подавления плотской похоти, активной духовной работы. Если человек живёт вопреки этим требованиям, он ленив, а значит, и грешен. Будучи одним из грехов, лень активна, поэтому человек должен быть бдительным, ограждать свою жизнь от проникновения в неё лени: «Малый огонь часто истребляет всё случившееся вещество, и малая скважина (леность) расточает весь труд наш» [Лествичник И., 1999: 38]. Ленивого ждёт Суд Божий и наказание: «Ныне Святая Церковь напоминает нам о Суде Божиим и тем хочет воодушевить своих чад на большие труды, а нерадивых пробудить от усыпления» (Святой Феофан Затворник); «Горе ленивым, если они не исправятся, награждаются труждающиеся, а ленивым предстоит печальная будущность» [«Маргарите, или Душеспасительные изречения», 1993: 174].

Как и в обыденной картине мира, типичным проявлением лени признаётся **болтливость**: «У праздных более склонности к злоречию, чем у занятых трудом» (Епископ Николай).

Лень порождает **скуку** и **уныние**: «Постоянной деятельностью он старался предохранить себя от скуки, которую считал одним из опаснейших для инока искушений» [Поселянин Е., 1997: 33]; «Уныние более всего бывает от праздности. Прогоняй его молитвой и трудом» [«Крупницы духовной мудрости», 2000: 28].

Таким образом, оппозитивные связи эксплицируют следующие стратегии в концептуализации трудовой деятельности: труд – проявление добродетели, сущность труда состоит в постоянном преодолении разного рода

трудностей, что приводит к формированию твёрдости и силы духа, внутреннему совершенствованию человека.

Проведённый анализ показывает, что в процессе концептуализации труда в православном дискурсе используются разнообразные связи между концептами, среди которых преобладают эквивалентные. В православной картине мира «Труд» является значимым концептом и входит в центровую часть концептосферы. Под влиянием религиозного дискурса сформировалась аксиология общенародной культуры, что проявляется в совпадении культурных установок, стереотипов, когнитивных стратегий в обеих картинах мира. В то же время о полном совпадении этих картин мира говорить нельзя, поскольку в процессах концептуализации используются либо иные концепты, например «Смирение», «Надежда», либо концептуальные связи получают другую интерпретацию (связи между концептами «Труд» ↔ «Лень», «Труд» ↔ «Бог», «Труд» ↔ «Время»). Главным отличием сопоставляемых дискурсов является дидактизм, более выраженная императивность, ориентация на духовность религиозного дискурса и практическая направленность обыденного.

Перейдём к рассмотрению концептуализации труда в правовом дискурсе, аксиология которого также формировалась под влиянием православной картины мира.

2.2.2. Специфика концептуализации труда в правовом дискурсе

Субъектом продуцирования правового дискурса является государство. Своё выражение данный дискурс находит в многообразных проявлениях государственной политики, и в частности в провербальных её формах – законах, указах, программах, обращениях и проч.

Правовой дискурс следует отличать от дискурса политического. Дифференциация этих дискурсов осуществляется прежде всего по интенциональному признаку: если назначение правового (юридического) дискурса состоит в регулировании правовых отношений между субъектами социума, то политический дискурс преследует цель, ограниченную борьбой за власть [Шейгал Е.И., 2000: 35].

При всей чёткости разграничения этих дискурсов в лингвистических исследованиях термины *идеологический*, *политический*, *юридический*, *правовой дискурс* часто используются как синонимы [См. работы Сериио П., Степанов Ю.С., Шейгал Е.И. и др.]. На наш взгляд, данная ситуация обусловлена не только новизной объекта и терминологической нечёткостью, но и реальной смежностью правового, или юридического, и политического, или идеологического, дискурсов. В.И. Карасик отмечает, что границы дискурсов нечёткие, нефиксированные, часто накладывающиеся друг на друга [1999: 6].

Более того, как уже говорилось, знаки, сформированные одним дискурсом, могут усваиваться другим, получая статус прекопструктов «следов» в одном дискурсе других дискурсов [Сериио П., 1999: 41]. Так, в советском политическом дискурсе для вербализации смыслов концепта «Труд» был продуктивен акциональный базовый образ *дорога, путь: маяк индустриализации, рубежи пятилетки* и др. Данный базовый образ отвечал интенциям мобилизации всех человеческих усилий на труд, благодаря которому можно достичь светлого будущего. Эти же единицы были органично восприняты правовым дискурсом.

Исследование политического дискурса впервые было предпринято в труде «Русский язык и анализ политического дискурса: анализ номинализаций» французского лингвиста П. Сериио. Анализируя доклады Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева, П. Сериио убедительно показал, что для советского политического дискурса характерна гипертенденция к номинализации, проявляющаяся в исчезновении агенса, которое обусловлено уменьшением степени ответственности за сказанные слова [Сериио П., 1999]. Данная черта характерна и для политического, и для правового дискурсов в целом. В настоящем исследовании мы рассмотрим особенности концептуализации труда в правовом дискурсе.

Для правового дискурса, в отличие от религиозного, характерна динамичная смена идеологий. Поэтому исследование правового дискурса должно соотноситься с той или иной общественно-экономической формацией, в которой находится данное государство. В поле нашего зрения будет преимущественно социалистическая формация, охватывающая временной промежуток примерно с 1917 по 1991 год. Выбор именно этой формации обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, пространство её правовых культурных текстов характеризуется полнотой и законченностью.

Во-вторых, советский правовой дискурс определяет первостепенное значение труда, поэтому концепт «Труд» в культурных текстах этого периода оказывается наиболее ярко представленным. При этом советский правовой дискурс будет сопоставляться с досоветским и постсоветским в целях определения его специфики. Материалом исследования стали разнообразные юридические документы, тексты общественного характера.

Итак, общественно-экономическая формация должна характеризоваться через преобладающий способ производства и через определённое состояние отношений между составляющими её классами [Арош К., Анри П., Пешё М., 1999: 150]. Для социалистической общественно-экономической формации характерна диктатура пролетариата, основанная на общественной собственности на средства производства, существующей в двух формах: государственной и кооперативно-колхозной. В социалистическом обществе оформляются три общественных класса: рабочие, крестьянство и интеллигенция, отношения между которыми характеризуются идейным единством. Для развития народного хозяйства присуще планомерное развитие [Философский словарь, 1963: 419–420].

Основной закон Советского государства – конституция – определяет и утверждает права граждан, среди которых ведущее место отводится праву на труд. Это обусловлено тем, что новые трудовые отношения, по мнению теоретиков социализма и коммунизма, должны были сформировать крепкий материально-экономический базис, а также стать толчком для перехода в новую, коммунистическую формацию: *«Впервые в истории труд рабочего, труд крестьянина, труд Человека получил высокое общественное признание»* («Обращение ЦК КПСС к советскому народу», 6. 07. 1981); *«В жизни общества нет ничего более важного и более почётного, чем труд. Им созданы все материальные и духовные богатства народа»* («Известия», 5. 12. 1962) и др.

Новый характер труда должен был стать основой строительства Советского государства: *«Коммунистический труд ... есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определённой повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добросовестный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчёта на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости*

трудиться на общую пользу, труд как потребность здорового организма» [Ленин В.И., 1955: 315].

Ценностный статус трудовой деятельности определял тот факт, что восприятие, оценка человека, социальной группы осуществлялись в советский период через призму труда: *«Человек прежде всего славен своим трудом, своим вкладом в общенародное дело» («Труд», 1962, № 39); «Годы – годами, техника – техникой, опыт – опытом, а сам труд выражает особенные свойства человека: склад ума и характера» («Известия», 1974); «Человек познаёт мир через труд и поэтому творит чудеса» («Комсомольская правда», 1983, № 161); «Биографию делает труд» («Комсомольская правда», 1984, № 161); честный труженик, скромный труженик, трудовая интеллигенция и др.*

Производительные силы при социалистической формации не развиты настолько, чтобы обеспечить изобилие продуктов, труд не стал первой жизненной потребностью всех членов общества.

Эти признаки данной формации определяют формирование следующих основных идеологем и стереотипов.

- От каждого – по способностям, каждому – по труду: *«Достаток – по труду» («Комсомольская правда», 1983, № 181); «Работай столько, сколько ешь» («Известия», 1950, № 26) и др.*

- Кто не работает, тот не ест: *«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признаёт труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест!» [Конституция РСФСР, 1918: 7] и др.*

- Труд определяет право на собственность: *«Люди труда – хозяева нашей страны» («Комсомольская правда», 12. 06. 1970); «В социалистическом обществе, где ликвидирована частная собственность на средства производства и эксплуатация человека человеком, труд стал трудом на себя и своё общество» [«Трудовой договор», 1983: 15] и др.*

- Уважай и цени любой труд: *«Грязного труда нет. Грязной может быть только совесть» (Н. С. Хрущёв); «Всякий честный труд, какой бы он ни был, достоин уважения» (Н. С. Хрущёв); «Всякий труд почётен» («Известия», 1977) и др.*

- Труд является проявлением служения родине: *мой труд вливается в труд моей республики; «У каждого есть право на труд и обязанность добросовестно работать, принося при этом пользу Отечеству» («Известия», 1977); «Трудиться в полную силу – значит добиться максимальной эффективности в производстве, приносить благо своей стране» («Правда», 1968); «...ваша работа – не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству!» («Правда», 1974) и др.*

Н.А. Бердяев отмечает, что из двух возможных принципов ведения хозяйства: преследование личного интереса или преследования интереса общества – коммунизм избирает второй, характерный и для христианской аксиологии [1999: 151], поэтому основные трудовые идеологемы совет-

ского правового дискурса генетически родственны православным доктринам труда: «...Русский коммунизм более традиционен ... и есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи» [Там же: 152].

В основу организации труда кладутся принципы целесообразности, рациональности, общественной пользы, сотрудничества, взаимопомощи, ответственности за свой труд, сознательности, инициативы и активности, материальной заинтересованности: *«В трудовых коллективах совместный труд осуществляется на началах товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, обеспечивается единство государственных, общественных и личных интересов, утверждается принцип ответственности каждого перед коллективом и коллектива за каждого работника»* [«Свод законов СССР», 1984. Т. 5: 49]; *«Сознательное отношение к труду – это уровень отношения, соответствующий правовой активности рабочих и служащих и отражающий такую глубину осознания личностью объективной значимости труда, когда социалистические общественные интересы превалируют над узко личными»* [«Личность. Труд. Право», 1989: 89]; *«Социалистическая организация труда объективно обуславливает его всеобщность и общественный характер, ... социалистические формы разделения и новые формы стимулирования труда, позволяющие сочетать принцип материальной заинтересованности, основанный на началах распределения по количеству и качеству труда, с моральным его стимулированием»* [«Трудовой договор», 1983: 56] и др.

Первостепенная ценность труда определила тенденции к его научному описанию. Для правового дискурса как советского, так и постсоветского периодов характерно онаучивание концепта «Труд». На процесс трудовой деятельности проецируются знания физиологии и психологии человека: *«Сложность труда проявляется во всё большем вовлечении в трудовой процесс органов человека, выполняющих различные функции, усложнении связи между ними, в возрастающем значении органов чувств и высшей нервной деятельности...»* [«Редукция труда», 1965: 71]; *«...расширить научные исследования и разработать в 1967 году практические рекомендации в области физиологии, психологии и гигиены труда для использования их при внедрении в производство методов научной организации труда»* [«Свод законов СССР», 1984. Т. 5: 114] и др. Данные тенденции приводят к тому, что труд начинает измеряться: *«...серьёзное улучшение дела нормирования труда, устранение потерь рабочего времени на промышленных и строительных предприятиях»* [«Свод законов СССР», 1984. Т. 5: 39] и др. Тенденции к онаучиванию культивируют продуцирование базового образа «научное исследование»: *«...разделение труда было подобно расщеплению атома...»* («Комсомольская правда», 1985, № 195), *«Именно соревнование выводит человека на орбиту трудовой славы»* («Труд», 1976, № 168) *пятилетка поиска, ритмичный пульс строительства* и др. Идея меры труда актуализирует смыслы роста и ускорения трудовой деятельности, которые нашли своё отражение в семах 'рост', 'очень', 'быстрый', 'первый', 'движение' и др.: *«Для осуществления*

своей главной задачи предприятие обеспечивает развитие и повышение эффективности производства, его всестороннюю интенсификацию, ускорение научно-технического прогресса, рост производительности труда, ресурсосбережение, увеличение прибыли» («Постановление Верховного Совета СССР» от 30. 06. 1987); *«Девиз жатвы – скорость и высокое качество всех уборочных работ»* («Труд», 1978, № 161); *«Вдвоём трудиться за троих»* («Известия», 1975); *летучка, пятидневку за четыре дня, пятилетка ускорения, первостроитель, первоцелинник, индустриальная мощь, перевыполнение, великие стройки, крутой перелом, невиданные урожаи, недостижимый темп роста производства, неиссякаемый источник созидания, мастер высоких урожаев, по-стахановски, по-ипатовски, стахановское ускорение, трудовой десант, трудовая армия, борец за высокое качество продукции* и мн. др. [СЯС].

Правовой социалистический дискурс отводит труду роль основного воспитывающего средства: *«Отряды являются важной формой коммунистического воспитания студенческой молодёжи, мобилизации её на самоотверженный труд...»* [«Стройка, студенты, отряд», 1985: 58] и др. Труд признаётся основой морали: *«Труд – не только творец всего сущего, но и основа нашей коммунистической морали»* («Известия», 1977). Труд помогает раскрыть человеку свои способности: *«Решение проблемы сознательного отношения к труду в социалистическом обществе лежит на пути раскрепощения способности личности к труду...»* [«Личность. Труд. Право», 1989: 53]; *«В труде раскрываются способности и таланты людей, гений человека»* (Н. С. Хрущёв). Кроме того, труд способствует объединению людей: *«В трудовых свершениях и ратных подвигах утвердилось и окрепло нерушимое братство народов нашей страны»* (В.И. Ленин); *«Именно работа сближает людей»* («Известия», 1963); *«Нас соединил именно труд... Труд же сделал из нас ту силу, которая объединяет всех трудящихся»* («Наука и жизнь», 1977, № 9). (Ср.: на предыдущих этапах развития правового дискурса в качестве основной выделялась материально-экономическая функция труда: *«Каждому крестьянину в своём уезде работою кормица...»* [«Законодательство Петра Первого», 1997: 237] и др. Определение высокого статуса труда формирует положительно окрашенную коннотативную зону слов тематического поля «Трудовая деятельность»).

Актуальность концепта «Труд» обуславливает многообразие подходов к его квалификации в процессах концептуализации. С одной стороны, советский правовой дискурс включает когнитивные стратегии российского правового дискурса предшествующего этапа. Труд понимается как:

- источник материального благосостояния и могущества: *«Труд — единственный источник дальнейшего улучшения жизни народа»* («Известия», 1974); *«Свободный труд советских людей — источник роста общественного богатства»* («Известия», 1977); *«Только труд и впредь будет определять степень нашего благополучия...»* («Труд», 1990, №17); *«Труд — могущество, сила»* («Труд», 1976, №179) и др. Данная когнитив-

ная стратегия в правовом дискурсе противоречит аналогичной линии концептуализации в обыденном (См. выше о специфике связей между концептами «Труд» и «Богатство» в наивной картине мира);

- повинность («*В целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность*» [Конституция РСФСР, 1918: 8]. Ср.: «... на крестьян как **обязательная ... повинность возлагается...**» [«Крестьянская реформа в России 1861 года», 1954: 314] и др.;

- обязанность («*Труд стал ... почётной обязанностью всех членов общества*» («Обращение ЦК КПСС к советскому народу», 30. 04. 1973) и др.;

- потребность («...*постепенному превращению труда на благо общества в первую жизненную потребность каждого трудоспособного человека*» [«Личность. Труд. Право», 1989: 35] и др. Трудовая деятельность понимается как одна из естественных потребностей: «*Тоска по не использованной в себе и вокруг себя силе – по труду не как заработку, а как потребности*» [Шагинян М., 1988: 78]; «*Так, труд из необходимости становится потребностью, удовлетворение которой приносит настоящую радость*» («Наука и жизнь», 1977, № 4) и др. Осмысление труда как потребности связано с генерированием коннотаций ‘естественность’, ‘необходимость’, ‘обязательность’.

С другой стороны, новая идеология обуславливает иную интерпретацию воспринятых квалификаторов. Обязанность трудиться осмысляется как почётная, как **честь** и **долг** каждого человека перед своим народом и страной: («*Долг каждого работника честно и добросовестно трудиться...*» («Постановление Верховного Совета СССР» от 30. 06. 1987); «*Труд ... стал делом чести в стране социализма*» («Огонёк», 1940, № 3)) и др. Стереотип *труд – одно из условий уважения и почёта* заимствуется из наивной картины мира и культивируется правовым дискурсом. Несомненно, что и ранее труд осмыслялся как потребность, однако новая интерпретация сосредотачивает своё внимание на том, что это потребность каждого человека, потребность, возникающая не на основе жизненной (хозяйственной) необходимости, а как проявление добровольного желания трудиться на себя и общество, раскрывая в труде свои способности: «*Для рабочих труд – не обременительная обязанность, а потребность, замечательная, благородная потребность – радовать многих своим умением, прославлять трудом свой коллектив, свою страну*» («Известия», 1977) и др. Задачей правового советского дискурса, как мы могли убедиться из выше приведённых слов В.И. Ленина, было формирование потребности в труде такой же по статусу, как другие физиологические потребности.

Изменение экономической и классовой ситуации в Советской Республике привели к определению **труда** как явления, утверждающего **власть над эксплуататорами**: («*Октябрьская революция сделала владыкой страны труд, а человека труда – хозяином родной страны, твор-*

цом своего счастья» («Обращение Верховного Совета СССР к народам Советского Союза», 5. 07. 1965») и др.

Новым является осмысление **труда как права**. За ключевым словом, репрезентирующим данный концепт, закрепляется новая концептуальная коннотация: ‘труд есть проявление права человека’: *«Все трудоспособные граждане имеют право на применение труда по своей специальности...»* [Кодекс законов о труде, 1989: 42] и др. Определение труда как права, закреплённого в конституции РСФСР: *«Граждане РСФСР имеют право на труд, – то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учётом общественных потребностей»* [Конституция РСФСР, 1978: 11] и др. – отражает активизацию процессов концептуализации труда. Труд в новой стране осмыслялся как гарантированный вид деятельности, на выбор которой влияют как индивидуально-личностные, так и социальные факторы.

Таким образом, лингвосемиотический ряд квалификации труда можно представить так: *потребность, повинность, обязанность* → *потребность, повинность, обязанность* + благосостояние, честь, долг, власть над эксплуататорами, право. (Курсивом показана модификация квалификаторов). Тем самым в процессе концептуализации труда существенными становятся общественные, политические, моральные и правовые аспекты трудовой деятельности.

Синтаксические конструкции, квалифицирующие трудовую деятельность как явление, репрезентируют связи между концептами. Как мы смогли убедиться выше, концепт «Труд» находится в отношениях тождества с концептами «Власть», «Право», «Долг» и в эквиполентных связях с концептами «Благосостояние», «Честь».

Список эквиполентных связей концепта «Труд» не исчерпывается концептами «Благосостояние», «Честь». В подобные связи с данным концептом вступают концепты «Государство», «Свобода», «Мир», «Экономика», «Наука», «Человек». Более подробно рассмотрим особенности связей между этими концептами.

Монопартийная государственная машина выступает в роли учредителя взглядов и прав на труд, в роли высшего работодателя: *«Государство предоставляет работу...»* («Труд и право») и др. С одной стороны, труд является одной из движущих сил развития **государства**, с другой – государство определяет характер труда: *«...народное хозяйство страны является предметом постоянного внимания Коммунистической партии и Советского правительства»* [«Свод законов СССР», 1984. Т. 5: 217].

Государство обеспечивает **свободу** и равноправие трудовой деятельности: *«В соответствии с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР гражданам обеспечивается равноправие в области труда, независимо от национальности и расы»* [«Кодекс законов о труде РСФСР», 1989: 58]

и др. Для репрезентации связей между концептами «Труд» и «Свобода» правовой дискурс прибегает к образам антропоморфного культурного кода: «Труд свободен» и др. [«Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий», 1997: 268].

Свобода труда означает свободу личности, внимание к **человеку**: «Гарантированная социалистическим строем свобода труда от эксплуатации – основное условие подлинной свободы личности» («Кодекс законов о труде РСФСР», 1989: 330) и др. Связи концептов «Труд» и «Человек» охватывают несколько концептуальных аспектов: мораль («Студенческий отряд призван **воспитывать** студентов в духе **коллективизма и коммунистического отношения к труду, формировать высокие нравственные качества, идейную стойкость, чувство советского патриотизма и пролетарского интернационализма**» [«Свод законов СССР», 1984. Т. 5: 134], физическое здоровье (*охрана труда, трудовое увечье, трудотерапия*), социальная сфера (*трудовые коллективы; «...администрация предприятий ... должна внимательно относиться к нуждам и запросам работников, улучшать условия их труда и быта...»*) [«Кодекс законов о труде РСФСР», 1989: 89]), сценарии поведения (*соблюдение трудовой и производственной дисциплины, трудовой спор, трудовой договор, несун, служебная пассивность, прогульщик, расхитительство* [СЯС]) и др. Культурные тексты показывают, что труд понимается как сила, активно воздействующая, формирующая и изменяющая человека. Данная когнитивная стратегия обусловлена влиянием советского научного дискурса, в котором господство марксизма определило труд как «вечное естественное условие человеческой жизни» [Маркс К., 1941: 213]; как фактор, обуславливающий превращение обезьяны в человека [Энгельс Ф., 1932].

Труд осмысливается как миротворческая деятельность: «Мы, советские люди, будем упорным трудом крепить дело мира» («Труд», 1976, № 179).

Рассмотренные тождественные и эквивалентные концептуальные отношения способствуют формированию таких смыслов в структуре концепта «Труд», как «политическая ценность», «общественная ценность», «гуманистический характер», «миротворческий характер».

Концепт «Труд» на правах части вступает в привативные связи с концептом «Научно-технический прогресс»: «Каждое утро десятки миллионов людей начинают свой очередной, самый обыкновенный рабочий день... Они, наверное, не думают о величии своих дел. Но они ... поднимают Советскую страну к новым и новым высотам **прогресса**» (Из обращения Л. Н. Брежнева); «...обеспечение ... развития производства и роста производительности труда на основе научно-технического прогресса...» [«Свод законов СССР», 1984. Т. 5: 218]; «Творческий **труд** миллионов людей — та богатейшая, победоносная сила, которая неуклонно **двигает** нашу страну» («Известия», 1962) и др. Понимание труда как неотъемлемой части научно-технического прогресса обуславливает эквивалентные связи с концептами «Наука» и «Экономика». Отношения с концептом

«Наука» затрагивают такие концептуальные составляющие, как рационализация, изобретательство, научное открытие, знание и умение, опыт и др. Сложность труда определяется степенью знаний, необходимых для его выполнения. В отличие от наивной картины мира трудовая деятельность относится правовым дискурсом к тому типу человеческих практик, выполнению которых нужно учить: *профессиональная подготовка, трудовая школа, производственно-техническое обучение* и др.

Связи концептов «Труд» и «Экономика» привносятся в правовой дискурс из научного. Итогом взаимодействия двух концептов являются многообразные научные понятия: *рабочее время, качество продукции, эффективность труда, рентабельность труда, социалистическое производство, специализация труда, кооперирование труда, индустриализация, коллективизация, производственный / твёрдый / пятилетний / встречный план, стержневизация* и др. [СЯС]. Взаимосвязь концептов показывает, что экономика параметризует трудовую деятельность. Эта когнитивная стратегия определяет продуктивность антропоморфного и фетишного кодов в процессах репрезентации: *трудовые ресурсы, организация труда, производительность труда* и др. Данные концептуальные связи обогащают концепт «Труд» смыслами «сложность», «историко-экономический потенциал».

Эквивалентная связь с концептом «Труд», представленная оппозитивными корреляциями, малохарактерна для правовой картины мира. Подобные связи репрезентируются семами 'участие vs. неучастие в процессе труда'. Данные смысловые связи устанавливаются между концептам «Труд», с одной стороны, и концептами «Безработица», «Забастовка» — с другой: «*Каждый имеет право на ... защиту от безработицы*»; «*Признаётся право ... на забастовку*» и др. [«Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий», 1997: 273]. Оппозитивные связи способствуют формированию смысла «обязательное участие в процессе труда» в структуре концепта «Труд».

Итак, в советской правовой картине мира концепт «Труд» входит в центровую часть, обогащая своё содержание преимущественно эквивалентными связями с другими концептами. В процессе концептуализации труда правовой дискурс органично использует элементы других картин мира, в частности обыденной, религиозной, научной. Правовая картина мира отражает государственную аксиологию, в отдельных своих частях не совпадающую с обыденной. Продукты советского правового дискурса указывают на отсутствие внимания к конкретному индивиду, абстрагированное представление трудовой деятельности, что противопоставляет данный дискурс обыденному и религиозному и сближает с научным. Для правового дискурса, как и для религиозного, характерна аксиологическая эксплицированность, подчёркнутый дидактизм.

Рассмотрим особенности концептуализации труда в педагогическом дискурсе, ценностная шкала которого формируется под влиянием правовой картины мира.

2.2.3. Специфика концептуализации труда в педагогическом дискурсе

В роли субъекта, продуцирующего педагогический дискурс, выступает школа в широком её понимании. Данный социальный институт включает широкую сеть разнообразных образовательных и воспитательных учреждений. Интенция этого дискурса: социализация личности в соответствии с тем или иным государственным заказом – обуславливает тот факт, что педагогический дискурс становится смежным, а отчасти даже пересекается с политическим и правовым дискурсом. Так, если в советский период основной целью трудового воспитания признавалось формирование коммунистического мировоззрения, то в настоящий период немаловажное значение уделяется развитию предпринимательских качеств личности. Ср.: *«Трудовое воспитание в социалистическом обществе – целенаправленный процесс формирования у детей и юношества коммунистического отношения к труду...»* [Российская педагогическая энциклопедия. 1999. Т. 2: 211] / *«Целесообразно ... ориентировать учащихся на включение в будущем в честную конкурентную борьбу и соответственно развивать такое качество, как конкурентноспособность, крайне необходимое в условиях рыночной экономики»* [Котряхов Н.В., 1999: 2]. В.И. Карасик отмечает, что ценности педагогического дискурса несут идеологический заряд [2002: 305]. Педагогический дискурс заимствует культурные установки правового дискурса: *«Каждый трудоспособный взрослый человек должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками»* [«Труд детей и подростков. Инструкция», 1968: 13] – кто не работает, тот не ест; *«...труд является главным критерием оценки человека и его места в обществе»* [Атутов П.Р., 1988: 29]; *«Главный критерий человеческой зрелости – сопричастность трудовым делам страны»* [Шевченко С.Д., 1986: 14] – труд определяет оценку человека в обществе.

Ориентация на аксиологическую шкалу правового и политического дискурса проявляется и в том, что ценность труда как средства воспитания определяется рейтингом концепта «Труд» в данных дискурсах: *«Педагогические возможности труда, на которые ориентирована воспитательная система, во многом обусловлены состоянием общественного труда...»* [Пашков А.Г., 1992: 7] и др.

С другой стороны, в педагогическом дискурсе просматриваются тенденции к автономности. Так, Я.А. Коменский, Ж.Ж. Руссо, П.П. Блонский и др. высказывались за выведение воспитания из политических задач правящего класса.

Педагогический дискурс является разновидностью научного дискурса, что определяет большую, нежели, например в правовом и политическом, степень преемственности продуцируемых им смыслов. Так, концепт «Труд» является одним из наиболее значимых как в зарубежной, так и в отечест-

венной педагогике уже начиная с Средневековья. Однако наибольшая активность процессов концептуализации труда в педагогическом дискурсе начинается с эпохи Просвещения и не утрачивает своей силы в последующие эпохи, что находит своё отражение в культурных текстах, созданных А. Сен-Симоном, Ш. Фурье, И.Г. Песталоцци, Т. Мором, Т. Кампонеллой, Ж.Ж. Руссо, Н.Г. Чернышевским, К. Марксом, Ф. Энгельсом, Н.К. Крупской, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинским и др. Труд отводится центральное место в процессе воспитания и обучения личности, он становится основой умственного, нравственного, эстетического, физического, семейного, экологического воспитания: «...учителей не надо убеждать в том, что ... трудовое воспитание должно быть стержнем всей учебно-воспитательной работы общеобразовательной школы...» [Королёва М., 1984: 83]. В.А. Сухомлинский определяет труд как «вещь всепроникающую и всеобъемлющую» [1971: 219].

Научный характер педагогического дискурса предопределяет глубокую и детальную проработку аспектов концепта «Труд». Так, трудовая деятельность понимается как форма жизнедеятельности человека: *труд ... как единственно нравственно оправданное средство удовлетворения возникающих потребностей и стремлений...* [Котряхов Н.В, 1999: 2]; *«Труд в гуманистической воспитательной системе — это созидательный способ связи личности с миром...»* [Пашков А.Г., 1992: 6] и др. Вербализованные смыслы этого типа указывают на необходимость труда для человека.

Труд понимается как моральная категория: «...к труду как моральной категории ... мы должны готовить наших детей...» [Макаренко А.С., 1953: 64]. Это обуславливает рассмотрение труда как важного воспитательного и развивающего фактора: *«Трудовое воспитание — это важный фактор формирования личности...»* [Киперман С.А., 1984: 37]; *«...усиление непосредственного влияния труда на становление личности школьника...»* [Петрова В.И., 1987: 49] *«Трудовая деятельность и формирование личности школьника»*; *«Правильно поставленное трудовое воспитание ... является незаменимым фактором выработки осознанного отношения к учёбе, нравственного и интеллектуального формирования личности, физического развития...»* и др.

Особое внимание обращается на то, что труд формирует качества характера: *«Ничто так, как труд, не облагораживает человека»* (Л.Н. Толстой); *«В полезном людям труде ... закаляются качества настоящего труженика, коллективиста, верного и надёжного товарища, умеющего быть принципиальным, требовательным, справедливым...»* [Олейник Ф., 1985: 29]; является волевой закалкой: *«Труд должен быть своеобразной волевой закалкой...»* [Сухомлинский В.А., 1971: 226] и др. При этом подчёркивается, что воспитывающую силу получает только правильно организованный труд: *«Труд может быть нейтральным или даже вредным, если не будет создана необходимая организация этой деятельности»* [Макаренко А.С., 1953: 41]; *«Труд выступает как средство воспитания и формирования индивидуальности школьников, если он даёт возможность*

проявиться созидательным силам и стремлениям детей, позволяет соединить культуросообразное развитие этих сил с желанием приводить их в действие» [Пашков А.Г., 1992: 7] и др. В противном случае труд становится повинностью: *«Труд, оторванный от идейного, интеллектуального, морального, эстетического ... воспитания, от творчества, от интересов и потребностей ... становится повинностью...»* [«Воспитание учащихся в процессе трудового обучения», 1983: 34] и др.

Концептуализация труда как этической категории отражается и в том, что он осмысливается как показатель отношения человека к другим людям: *«Отношение к труду ... проявляет отношение к людям»; «...через труд человек опосредованно выражает своё отношение к другому человеку...»* [Там же: 52]. Причастность к общественному труду осмысливается как положительное качество личности: *«...труд на производстве осознаётся учениками как признание их хороших качеств: трудолюбия, умений, знаний, ответственности...»* [Олейник Ф., 1985: 31] и др.

Труд – это и объект воспитательного и образовательного воздействия: *«Труду надо обучать...»* [Портнов М, 1985: 82]; *«...научить творческому труду – особая задача воспитания...»* [Макаренко А.С., 1953: 45]. Овладение навыками труда требует от человека проявления физических усилий: *«...сколько труда ... могут одолеть его молодые силы...»*; *«Труд – не игра и не забава...»* [Ушинский К.Д., 1905: 15]; *«Именно эвристический, нравственный, эстетический замысел труда может удерживать ученика в поле трудового напряжения...»* [Пашков А.Г., 1992: 8]. В сложности труда и видится его воспитывающая функция: *«...труд только тогда воспитывает, когда он нелёгок...»* [Сухомлинский В.А., 1971: 56]; *«Сложность трудового обучения в том и заключается, что наряду с физическими навыками и мускульными усилиями оно требует усилий нравственных»* [Сальникова Л., 1987: 43] и др.

Трудовое воспитание не ограничивается тем или иным этапом жизни человека: *«Трудовое воспитание происходит на протяжении всей жизни человека: от детских игр до трудовой деятельности на производстве»* [Шевченко С.Д., 1984: 87].

Итогом трудового воспитания и образования является формирование понимания эстетики труда: *«Слаженный, ритмичный труд является одной из предпосылок высокого качества работы, которое выступает как эстетическое свойство труда»* [Лиферов Л.А., 1992: 24].

Таким образом, многообразие рассмотренных когнитивных стратегий сводится к двум основным: труд является средством развития (трудовое воспитание) и объектом (целью) педагогического воздействия (трудовое обучение).

Осмысление трудовой деятельности как средства развития личности послужило толчком для детальной концептуальной проработки её функций. Трудовая деятельность является источником интеллектуального и нравственного развития: *«Трудовые занятия обогащают непосредственный, «живой» опыт школьников»* [Пашков А.Г., 1992: 7] «Труд как сред-

ство воспитания»); «...облагораживающая сила труда...» [Сухомлинский В.А., 1985: 74] и др. Труд делает жизнь человека осмысленной: «Труд ... имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет всю свою цену и всё своё достоинство. Он составляет необходимое условие не только для развития человека, но даже и для поддержки в нём той степени достоинства, которой он уже достиг. Без личного труда человек не может идти вперёд; не может оставаться на одном месте, но должен идти назад» [Ушинский К.Д., 1905: 18]. Труд – сфера самоутверждения и самореализации человека: «...процесс самоутверждения в труде...»; «...необходимо помочь каждому найти себя, проявить себя в любимой работе...» [Сухомлинский В.А., 1971: 63]. Трудовая деятельность является мощным средством социализации: «Общая задача в трудовом воспитании старшеклассников — сплочение коллектива...»; «...формируется отношение к себе как к члену трудового коллектива»; «...труд ... способствует формированию культуры общения, доброжелательного, гуманного характера взаимоотношений...» [«Содержание трудового воспитания школьников», 1981: 14].

Труд определяет судьбу: «Ученическая производственная бригада определила судьбы многих наших воспитанников» [Дергачёв С.И., 1972: 19].

В трудовой деятельности происходит физическое развитие человека: «Люди вырастают сильными благодаря труду...» (Дж. Беллерс).

Процессы концептуализации предопределяют особенности вербального кодирования смыслов. Педагогический дискурс прибегает к средствам различных кодов культуры, наиболее продуктивным из которых является антропоморфный код.

Актуальность базового образа «человек» обусловлена прежде всего функциями труда. Труд предстаёт в роли воспитателя: «Труд становится великим воспитателем...» [Сухомлинский В.А., 1988: 78]; «Правильно организованный труд – наилучший воспитатель» (Н.К. Крупская). Исполняя роль воспитателя, труд «...развивает эстетическое чувство...» («Содержание трудового воспитания школьников»); «...требует воспитания целенаправленного внимания...» [Лиферов Л.А., 1992: 24]; «...будит и приводит в действие ... творческие, гражданские силы детей...» [Пашков А.Г., 1992: 8]. Квазистереотип «труд – воспитатель» является результатом развития образа «труд – Бог», заимствованного из философского дискурса. Ср.: «...труд создал человека...» [Энгельс Ф., 1932: 115] → «...труд создал и создаёт человека; ... труд – ваятель человека...» [Климов Е.А., 1989: 53] → «Воспитатель – труд» («Народное образование», 1983, № 9).

Обретая облик человека, труд наделяется рядом внутренних качеств. Он вызывает к себе любовь и уважение: «Воспитание должно развивать в человеке привычку и любовь к труду...» [Ушинский К.Д., 1905: 18]; страх: «Боязнь труда рождается в том случае...» [Сухомлинский В.А., 1985: 184].

Труд наделяется внешними очертаниями: «*Трудовой облик школьной воспитательной системы...*» [Пашков А.Г., 1992: 9]; «*...рост трудовой воспитанности школьников...*» [«Содержание трудового воспитания школьников», 1981: 122], ему приписывается ряд характерных для человека действий: «*Труд подбавляет масла в светильник жизни...*» (Дж. Беллерс); «*Производительный труд вошёл в жизнь школьников ещё до открытия самой школы*» [Лиферов Л.А., 1992: 25]. Характерно, что ряд моделей трудовой школы в своей основе имеют базовый образ «общество», в частности модель П.П. Блонского (П.П. Блонский «Гражданское или человеческое право»).

В рамках акционального кода продуцируется образ дороги, заимствованный из обыденного дискурса. Постепенность и сложность воспитательного процесса кладутся в основу тождества двух реалий: «*...гражданская направленность труда позволяет рассматривать труд как путь преобразования собственной личности*» [«Воспитание учащихся в процессе трудового обучения», 1983: 117]; «*Бедный по своему социальному содержанию, ремесленный труд становился на наших глазах плохой дорогой коммунистического воспитания*» [Макаренко А.С., 1953: 64] и др.; «*Радость труда своеобразна. Её можно сравнить разве что с чувством, которое переживает человек, поднимаясь на вершину высокой горы. Тяжёлый каменистый путь, каждый шаг даётся ценою больших усилий, но перед человеком благородная цель – достичь вершины*» [Сухомлинский В.А. 1971, 332] и др.

Квазистереотипы, восходящие к фетишному коду, характеризуются наличием общего семантического компонента «ценность»: «**Труд – стержень** всей воспитательной работы с детьми» [Макаренко А.С., 1953: 57]; «**Труд** является такою же необходимостью для физического здоровья, как необходима пища для жизни тела» (Дж. Беллерс «Предложения об утверждении трудового колледжа»); «**Труд и трудолюбие ... понимаются как сердцевина личности**» («Дошкольное воспитание», 1990, № 2); «**Воспитание** должно развивать в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность **отыскать для себя труд в жизни**» [Ушинский К.Д., 1905: 19] и др.

Наиболее значимым анимическим образом является квазистереотип «вода» – жизненно важное для человека вещество: «*...неутолимая жажда труда...*» [Там же: 21]; «*...зажечь в нём жажду серьёзного труда...*» («Народное образование», 1977, № 2). Труд осмысливается и как нечто охватывающее человека: «*...они воспитываются в труде в течение всей жизни и в особенности в молодости...*» [Макаренко А.С., 1953: 36].

Таким образом, большинство квазистереотипов, культивируемых в педагогическом дискурсе, заимствуется из научного (философского) и обыденного дискурсов. Для педагогического дискурса в большей мере, чем для религиозного и правового характерна вербализация знания посредством косвенных номинаций, что объясняется наглядностью педагогического дискурса.

Концепт «Труд» в педагогическом дискурсе вступает в многообразные связи с другими концептами.

Так, концепт «Труд» вступает в отношения тождества с концептом «Долг»: *«...отношение к труду как к своему долгу перед обществом...»* [«Содержание трудового воспитания школьников», 1981: 34]; *«Формирование чувства гражданского долга во многом способствует непосредственному участию школьников в общественно полезном труде»* [«Воспитание учащихся в процессе трудового обучения», 1983: 143]; *«Основные функции формирования коммунистического отношения к труду заключается в выработке причастности к нему как к важнейшему общественному долгу...»* [Плакий С.И., 1984: 15] и др. Квалификация труда как долга заимствуется педагогическим дискурсом из правового. Труд осмысливается как обязательное, общественно необходимое и полезное занятие, как проявление гражданственности: *«Общественная необходимость труда школьника несёт в себе заряд гражданственности...»* [Петрова В.И., 1987: 51]; *«...в трудовой деятельности человек утверждает себя как гражданина...»* [Сухомлинский В.А., 1971: 134] и др.

Труд в педагогическом дискурсе отождествляется с творчеством: *«Им особенно по душе такие кружки, где труд и творчество неразделимы»* [Королёва М., 1984: 83].

Связи названных выше концептов возникают на базе эквивалентных отношений концепта «Труд» с концептами «Добросовестность», «Инициативность»: *«...труд ... немислим без ... проявления инициативной деятельности учащихся...»* [Петрова В.И., 1987: 51] и др.

Как в обыденной и правовой картинах мира, труд признаётся основным критерием, который определяет **честь** и достоинство человека: *«...только работа создаёт честь, достоинство личности...»* [«Воспитание учащихся в процессе трудового обучения», 1983: 45] и др. Таким образом, связь с концептами «Творчество», «Добросовестность», «Инициативность», «Честь» обогащает концепт «Труд» смыслами 'свободный', 'активный', 'честный', 'общественное уважение', 'ответственность за результат', 'новый'.

Эквивалентные отношения характеризуются наибольшим разнообразием, чему способствует когнитивная стратегия, определяющая понимание труда как средства социализации. Трудовое воспитание и обучение осуществляется одновременно несколькими социальными институтами: школой, семьёй, производством, обществом в целом, что определяет отношения между концептами: *«Школе коренное улучшение трудового воспитания позволяет добиться реализации ведущего принципа современной системы образования – соединения обучения с производительным трудом; семье – всесторонне развивать способности и задатки детей; производству – обеспечить подготовку достойной смены; обществу – сформировать гармоничную, общественно активную личность, способную привести собственные устремления, интересы, потребности в соответствие с ожиданиями и потребностями общества»* [«Содержание трудового вос-

питания школьников», 1981: 112]. Связь с концептами «Школа», «Семья», «Производство», «Общество» обогащает концепт «Труд» смыслом «социальная детерминированность»: *«В подавляющем большинстве случаев дети усваивают то отношение к труду, которое существует в данной семье...»* [«Российская педагогическая энциклопедия», 1999. Т. 2: 211]; *«Влияние трудовой морали общества на состояние труда в школьной воспитательной системе может быть уподоблено влиянию «живой» либо «мёртвой» воды, разлитой вокруг школы* [Пашков А.Г., 1992: 10] и др. Связи между концептами «Труд» и «Общество» двунаправленные: с одной стороны, общество формирует отношение к труду, с другой — труд выступает как средство выражения благополучия общества, формирования одной из форм общества — коллектива: *«Трудолюбие как моральное качество воспитывается только в коллективе»* [Сухомлинский В.А., 1985: 151]; *«Благополучие общества, его социально-экономические успехи, его нравственная атмосфера определяются ... отношением членов этого общества к труду»* [Лиферов Л.А., 1992: 24]; *«...трудовая школа должна воспитывать умение трудиться коллективно»* (Н.К. Крупская).

Взаимонаправленность характерна и для отношений между концептами «Труд» и «Интеллект». Трудовая деятельность способствует развитию интеллекта, уровень умственного развития в свою очередь делает трудовую деятельность более осмысленной, ценной: *«Телесный труд не только не исключает возможность умственной деятельности, не только улучшает её достоинство, но и поощряет её»* (Л.Н. Толстой); *«...без знаний, без размышлений не может быть успешного труда»* [Векслер С., 1982: 27] и др.

Формирование интеллекта человека неразрывно связано с выработкой **дисциплины**: *«Трудовое воспитание требует ... правильно содержать рабочее место, умело планировать работу;...соблюдать правила техники безопасности...»* [«Российская педагогическая энциклопедия», 1999. Т. 2: 212] и др.

Труд осмысливается как явление, имеющее огромное значение для человеческой **жизни**: *«Труд, упражнение своих сил есть необходимое условие жизни»* (Л.Н. Толстой); *«Труд есть необходимое условие телесной жизни. Если бы Робинзон не работал, он бы замёрз и умер с голода»* (Л.Н. Толстой); *«Труд имеет ... большое значение и в личной жизни»* [Макаренко А.С., 1953: 83], помогающее человеку постичь **красоту** мира: *«Я старался, чтобы в годы отрочества труд облагораживал чувства моих воспитанников, открывая им красоту окружающего мира и человека»; «...человек, познавая мир трудом, создаёт красоту...»* и др. [Сухомлинский В.А., 1971: 334]. Отношения концептов «Труд», «Жизнь», «Красота» подчёркивают ценностный аспект трудовой деятельности, интерпретируют её с эстетической точки зрения.

Положительная интерпретация труда достигается и тем, что труд понимается как источник **радости и счастья**: *«Труд для человека не мучение, а радость»* (Л.Н. Толстой); *«Только труд ... может дать человеку сча-*

сть» [Сухомлинский В.А., 1971: 43]; «Трудовая задача и её решение должны сами по себе доставлять ребёнку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость» [Макаренко А.С., 1953: 23] и др.

Оппозитивные связи с концептами «Иждивенчество», «Эгоизм», «Потребительство», «Лень» высвечивают такие аспекты концепта «Труд», как коллективный характер, общественная значимость, самостоятельность, польза: «*Не привыкнув к труду в своё время, приспособляются жить за чужой счёт, за счёт государства. Полезный труд – лучшее средство от иждивенчества, эгоизма, потребительства*» [Олейник Ф., 1985: 32]; «...вместо любви к труду начали формироваться отрицательные качества нежелание учиться, интеллектуальная лень, нерадивость...» [Радченко И., 1988: 59] и др.

Интенции педагогического дискурса определяют повышенную степень императивности продуцируемых им текстов: «*Любой труд выполняй осмысленно; не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; начатое дело доводи до конца; пообещал – сделай...*» [«Воспитание учащихся в процессе трудового обучения», 1983: 35] и др.

Итак, концепт «Труд» находится в центральной части педагогической картины мира. Труд в педагогическом дискурсе понимается как мощная, формирующая личность сила, чем обусловлены тенденции к осмыслению трудовой деятельности в этическом и эстетическом ключах.

Процессы смыслообразования в педагогическом дискурсе, с одной стороны, детерминированы аналогичными процессами в правовом, политическом, философском дискурсах, с другой – стремятся к самостоятельности.

Научный характер педагогического дискурса становится причиной ухода от целостного восприятия личности человека в сторону детального изучения отдельных её качеств и свойств.

2.2.4. Специфика концептуализации труда в медицинском дискурсе

Субъектом, продуцирующим медицинский дискурс, является лечебное учреждение. Данный вид дискурса В.И. Карасик относит к одним из наиболее древних [2002: 344]. Интересно, что смыслы, попадающие в фокус медицинского дискурса, входят как в научную, так и в обыденную картину мира. Народная медицина характеризуется достаточно большим числом текстов, отражающих ненаучные способы лечения преимущественно физического недуга.

Концепт «Труд» входит в центровую часть медицинской картины мира, причём труд является объектом преимущественно научной концептуализации. Хотя применение труда с лечебной целью относят к концу XVIII века.

Интенцией данного дискурса является забота о физическом и психическом здоровье человека. Основным стереотипом, используемым в данном дискурсе, является осмысление труда как метода естественного лечения. Труд осмысляется как фактор, способствующий сохранению здоровья. Для сравнения заметим, что в наивной медицинской картине мира труд – причина человеческих недугов: *от работы не будешь богат, а будешь горбат* и др.

Многочисленны тексты, репрезентирующие функции труда. Трудовая деятельность:

- 1) воздействует на психику больного, заполняет его досуг: *«Занятие трудом – это заполнение свободного от процедур времени больного, находящегося в больнице, работой, представляющей для него интерес, отвлекающей от больничной обстановки, улучшающей его настроение»* [Каптелин А.Ф., Ласская Л.А., 1979: 21].
- 2) является средством повышения тонуса, улучшения обменных процессов *«Трудовая деятельность стимулирует процессы жизнедеятельности и повышает сопротивляемость организма и личности больного»* [Кукушкина Т.Н. и др., 1981: 8];
- 3) восстанавливает нарушенную двигательную функцию *«Трудовая терапия должна обеспечивать длительную и систематическую работу двигательного аппарата, необходимую для восстановления нарушенных функций»* [Каптелин А.Ф., Ласская Л.А., 1979: 7];
- 4) служит источником создания общественно полезных продуктов: *«Труд имеет социально-терапевтическое значение, восстанавливая связи больного с коллективом и осознание себя не как иждивенца, а как работоспособного человека, приносящего пользу»* [Кукушкина Т.Н. и др., 1981: 8].

Очевидно, что труд осмысляется как средство, влияющее не только на физическое, но и на психическое состояние человека. В последнем случае осмысление труда во многом схоже с тем, которое имеет место в педа-

гогическом дискурсе: труд выполняет воспитательную функцию, развивает личность, а также способствует убыстрению процессов социализации человека, потерявшего трудоспособность. «Труд оказывает психотерапевтическое действие, повышает психический тонус больного, освобождает его от сознания неполноценности и инвалидности» [Кукушкина Т.Н. и др., 1981: 8]; «Труд занимает важное место в формировании личности, в её перестройке и развитии наиболее совершенных компенсаций» [Трудовая терапия..., 1985: 3].

Важность трудовых практик, отличающихся своим назначением, отражена в различении их разными медицинскими терминами, обозначающими труд больного: *трудовая терапия, трудовая занятость, трудовые процессы*. «Одни придают трудовым процессам только отвлекающее значение, другие – важное социальное, тренирующее и психотерапевтическое значение. Исходя из этих определений употребляют и различные термины...» [Айрапетов Л.Д., 1967: 7]. При этом термин *трудотерапия*, играя роль гиперонима, является ключевым в медицинских текстах данной темы и обозначает систему «биофизических изменений, происходящих в организме под влиянием дозированного труда» [Там же: 8]. Актуальность данного понятия проявляется в том, что термин, его обозначающий, служит производящей базой для других расчленённых наименований: *стационарная / амбулаторная, восстановительная / общеукрепляющая / производственная трудотерапия* и др.

Труд в медицинской картине мира осмысляется как система мер по воздействию на больного. Отсюда определение труда в медицинских текстах как отвлечение («Труд – отвлечение больных от болезненных переживаний» [Хвилицкий Т., Малахов Б., 1975: 8], как активное вмешательство «...трудовые процессы ...всегда представляют собой активное вмешательство в динамику высшей нервной деятельности» [Там же: 15], как заполнение свободного времени «Занятие трудом – это заполнение от процедур времени больного» [Каптелин А.Ф., Лаская Л.А., 1979: 21], как естественный эксперимент «...во время трудовой терапии, приближающей врачей к естественно-трудо­вому эксперименту...» [Трудовая терапия..., 1985: 5].

Если в обыденном дискурсе труд осмысляется как «процесс воздействия человека на природу, человеческая деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей» [БАС], то в медицинском дискурсе трудовые практики осмысляются не только как изменяющие действительность, но и влияющие на самого человека: «В процессе труда человек не только изменяет окружающую его действительность, но и под влиянием труда изменяется сам» [Хвилицкий Т., Малахов Б., 1975: 5].

При образовании вторичных номинаций медицинский дискурс прибегает к средствам антропоморфного, фетишного, акционального кодов. Первые два из которых наиболее продуктивны.

В рамках фетишного кода труд осмысляется как лекарство: *терапия трудом, назначается трудовая терапия*. Выбор этого квазистереотипа продуцирует положительные коннотации: лекарство – средство снятия боли. Как лекарство, труд требует подсчёта, дозировки: *привлечение больных к дозированному труду, применение дозированного труда, систематическая и правильная дозировка труда*. Выбор квазистереотипа звено обусловлен понимаем труда как составляющей терапевтических практик, процесса интеграции выздоравливающего человека с трудовым коллективом: «Трудовая терапия – переходное звено от восстановления здоровья больных к восстановлению их профессиональных навыков» [Каптелин А.Ф., Лаская Л.А., 1979: 3].

Репрезентация трудовой деятельности посредством базового образа человек указывает на активность данного метода лечения. Труд *раскрывает способности и наклонности больного., требует серьёзного внимания., решает терапевтические задачи., укрепляет высшие регуляторные процессы., создаёт условия для активного и полноценного существования человека* и др. Обращает внимание факт, что труду как человеку приписываются преимущественно созидательные практики.

В рамках акционального кода труд осмысляется как *путь: трудовая терапия – это начальная ступень., прохождение трудовой терапии*, что характерно и для обыденного дискурса [См. Токарев Г.В., 2003: 110]. Однако здесь меняется интерпретация данного образа: труд – это путь к выздоровлению, адаптации к обычным условиям и интеграции с коллективом выздоравливающего больного. Специфичным является представление труда как *раздражителя: трудовые процессы, являясь определёнными раздражителями...* [Айрапетов Л.Д., 1967: 55], что отражает научные представления о воздействующем, активном характере трудотерапии как методе лечения.

Эксплицируем связи концепта «Труд» с другими концептами в медицинском дискурсе.

Данный концепт, представленный ключевым словом *трудотерапия* входит в привативные (партитивные) отношения с концептом «Терапия», что обозначается словосочетанием *составная часть: «Трудовая терапия...является составной частью так называемой терапии...»* [Медицинская энциклопедия, 353], а также первым, квалифицирующим компонентом сложносокращённого слова-партонима *трудотерапия*. Эти оппозиции вскрывают смысл «исцеление», включённый в концепт «Труд». В то же время концепт «Труд» может выступать в качестве холонома, в данном случае указываются виды трудотерапии: «*Важным разделом трудотерапии является восстановление синтетических двигательных актов, охватывающих сферу деятельности человека в быту, самообслуживание*» [Трудовая терапия..., 1985: 7].

Очевидно, что в отношении противопоставления анализируемый нами концепт вступает с концептом «Болезнь»: «*Во время трудовой терапии больной совершает целенаправленные...действия, что способствует*

...устранению патологических личностных реакций на болезнь» [Трудовая терапия..., 1985: 3]. Данная антонимическая парадигма эксплицирует смыслы «здоровье», «сила», «исцеление», которые входят в концепт «Труд».

Однако наиболее богатыми являются эквивалентные связи, устанавливаемые между концептом «Труд» и концептами «Работоспособность», «Эмоциональность / психическое состояние», «Режим», «Условия труда», «Человек», «Профессия», «Опыт», «Коллектив», «Взаимопомощь», «Аэротерапия», «Химиотерапия», «Лечебная физкультура», «Гигиена». Они обогащают концепт следующими смыслами:

- «физическое здоровье», «здоровый образ жизни», «организованность»: *«Без гигиены ...немыслима правильная организация трудовых процессов...»* [Айрапетов Л.Д., 1967: 41];
- «психическое здоровье»: *«Труд является источником формирования у больных таких моральных качеств, как товарищеская взаимопомощь, творческая активность, настойчивость, целеустремлённость»* [Кукушкина Т.Н. и др., 1981: 9]; *«...не сами трудовые процессы способствуют выздоровлению, а участие больного в труде вместе с коллективом ...имеет основное терапевтическое значение»* [Хвиливицкий Т., 1975: 15];
- «оздоравливание, излечение»: *«На фоне химиотерапии применение тренирующих и закалывающих факторов: аэротерапии, лечебной физкультуры и трудовых процессов – является важным стимулирующим психотерапевтическим и тонизирующим средством, способствующим более быстрому излечению...»* [Айрапетов Л.Д., 1967: 3].

Таким образом, в медицинском дискурсе концепт «Труд» имеет высокий рейтинг. Труд осмысливается как метод лечения, что объективируется ключевым словом данного концепта в этом дискурсе *трудотерапия*. Концептуальные связи обогащают данный концепт рядом смыслов: «сила», «исцеление», «физическое здоровье», «здоровый образ жизни», «организованность» «психическое здоровье», что свидетельствует о положительном, созидательном, витальном характере трудовой деятельности.

2.3. Сопоставительная характеристика вербализованных связей концепта «Труд» в различных дискурсах

Рассмотрев связи концепта «Труд» с другими концептами в разных картинах мира русской идеосферы, определим особенности концептуализации трудовой деятельности, эксплицируем когнитивные стратегии. Для большей наглядности отразим результаты исследования в таблице.

Связи концепта «Труд» с другими концептами в русской идеосфере

Таблица 3

Типы связей между концептами	Обыденная картина мира	Религиозная картина мира	Правовая картина мира	Педагогическая картина мира	Медицинская картина мира
Отношения тождества	Счастье Наслаждение Зло	Жизнь Борьба / Подвиг Польза	Власть Долг Право	Долг Творчество	
Эквивалентные связи	Бог Добро Собственность Справедливость Деньги Любовь Родина Семья Согласие Терпение Наука / знание / умение Время Здоровье Воля / Свобода	Время Смирение Любовь Надежда	Человек Свобода Государство Честь Благосостояние Экономика Наука Мир	Жизнь Дисциплина Добросовестность Инициатива Честь Школа Семья Производство Общество Счастье Радость Интеллект	Аэротерапия Работоспособность Эмоциональность / психическое состояние Режим Условия труда Человек Профессия Опыт Коллектив Взаимопомощь Гигиена Химиотерапия Лечебная физкультура
Из них оппозитивные связи	Правда Зло Воровство Пьянство Скука Безделье	Грех Лень Гордыня Уныние Скука Злоречие	Забастовка Безработица	Иждивенчество Эгоизм Потребительство Лень	Болезнь
Привативные связи		Бог	Научно-технический прогресс		Терапия Самообслуживание

Как видно из таблицы, каждый дискурс характеризуется собственной стратегией концептуализации трудовой деятельности. Для обогащения своего содержания концепт «Труд» в разных дискурсах устанавливает насыщенные связи в среднем с 18 концептами, что свидетельствует о высоком рейтинге данного концепта в разных картинах мира русской идеосферы. Наибольшим числом связей характеризуется обыденный дискурс, наименьшим – правовой.

Наиболее типичными становятся эквиполентные связи, разнообразно представленные в обыденном дискурсе. Этот факт говорит о высокой роли реальных связей явлений в процессах концептуализации труда. Среди эквиполентных широко используются оппозитивные связи, отражающие активный настрой мысли. Все рассмотренные картины мира, за исключением медицинской, прибегают к отношениям тождества между концептами, способствующим квалификации концепта «Труд». Данный вид связей позволил определить амбивалентный характер концептуализации, свойственный только наивной картине мира. Чёткая классификационная направленность педагогической, правовой, религиозной, медицинской картин мира не препятствуют развитию этого признака. Наименьшую представленность имеют привативные связи. Их мы находим в религиозном, правовом, медицинском дискурсах – дискурсах, в которых прослеживаются тенденции к выстраиванию иерархии концептов.

Каждый из проанализированных дискурсов обнаруживает свой набор концептов, вступающих в связи с концептом «Труд». В случаях обращения к одним и тем же концептам наблюдаются расхождения в их интерпретации. Так, концепт «Любовь» в обыденном дискурсе интерпретируется в эротическо-продуцирующем ключе, а в религиозном – в духовном; «Семья» – в обыденном дискурсе рассматривается с хозяйственно-практической точки зрения, а в педагогическом – с точки зрения выполняющих в обществе функций и др. Кроме того, концепт «Труд» в проанализированных картинах мира характеризуется неодинаковыми связями с одними и теми же концептами. Так, в обыденной картине мира концепт «Труд» вступает в отношения тождества с концептом «Счастье», а в педагогической – в эквиполентные; в обыденной картине мира концепт «Труд» находится в эквиполентных отношениях с концептом «Бог», а в религиозной – в привативных и др. Тем самым в процессах концептуализации один дискурс дополняет другой, формируя разные аспекты одного и того же концепта культуры.

Рассмотренные картины мира показывают, что существование дискурсов не изолировано. Дискурсы не имеют чётких границ, смежны друг с другом. Процессы интеграции дискурсов обнаруживают себя в восприятии сформированных культурных установок, стереотипов, разнообразных с точки зрения знаковой природы преконалах. Так, аксиология православной картины мира способствовала формированию ценностной шкалы обыденного дискурса; культурные установки и стереотипы наивной картины мира отчасти были усвоены правовым и педагогическим дискурсами;

система ценностей педагогического дискурса находится в непосредственной зависимости от идеологии правового и политического дискурсов.

При этом в каждом дискурсе отчётливо просматривается свойственная только ему когнитивная стратегия в концептуализации труда: в обыденном дискурсе – хозяйственно-практическая, в православном – духовно-дидактическая, в правовом – научно-техническая и общественно-историческая, в педагогическом – социально-психолого-дидактическая, в медицинском – психолого-физиологическая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептосфера имеет полевую структуру, то есть в ней можно выделить центровую часть и периферию. В центровую часть входят наиболее актуальные, имеющие высокий социальный рейтинг концепты, в том числе концепт «Труд». Структура концептосферы динамична: содержательный состав центра и периферии постепенно меняется, о чём свидетельствует изменение рейтинга концепта «Труд». Появление новых концептов в идеосфере, изменение состава центра и периферии представляет собой историю концептосферы.

Концепт «Труд», вступая в связи с другими концептами, находясь с ними в отношениях тождества, части и целого, пересечения и др., обогащает своё содержание. Тем самым связи между концептами являются ещё одним способом смыслообразования. О связях концепта в концептосфере можно судить лишь по их репрезентациям, как провербального, так и непровербального характера. Аналогом связей между концептом «Труд» и другими концептами могут быть семантические связи между вербальными элементами. Семантические связи обнаруживаются в многообразных вербальных корреляциях парадигматического (синонимические, антонимические, деривационные, партитивные и др.), синтагматического, эпидигматического характера, интерпретирующих отношения между концептами.

Выявление концептуальных связей, указывающих на характер отношений между концептами, приводит к получению тезауруса концепта культуры «Труд». Моделирование тезауруса культуры предполагает максимальное привлечение культурных текстов, являющихся продуктами разных дискурсов. Процессы концептуализации труда наиболее активно осуществляются в обыденном, религиозном, правовом, педагогическом, медицинском дискурсах. Категория труда становится объектом нескольких дискурсов, что говорит об её актуальности. Набор выделенных дискурсов указывает, что трудовая деятельность осмысливается как в морально-этическом, так и в утилитарно-практическом ключе.

В наивной картине мира среди типов концептуальных связей концепта «Труд» с другими концептами преобладают эквиполентные, представленные оппозитивными отношениями. Оппозитивные, причинно-следственные, условные связи, объективирующие эквиполентные отношения, являются ярким свидетельством активного настроения процессов концептуализации. Оппозитивные связи концепта «Труд» определяют трудовую деятельность как существенное, серьёзное, приносящее средства существования, честное, благородное занятие. Труд в наивной картине мира является проявлением добра, он помогает человеку избавиться от пороков. В то же время трудовая деятельность интерпретируется как тёмное, нечестное, лишаящее человека воли, здоровья занятие. Тем самым оппозитивные связи вскрывают амбивалентный характер концептуализации труда. Рассмотренные эквиполентные отношения между концептами определяют пони-

мание труда как социально значимой деятельности, устанавливающей роль и место человека в обществе. Труд является основой права на собственность. Осуществление трудовой деятельности требует терпения и умения. Привативные отношения указывают на осмысление труда как проявления добра. Труд – вид деятельности, данный человеку Богом и приносящий всему человечеству благо. Подавляющее большинство концептов положительно маркируют категорию труда.

В православной картине мира «Труд» является значимым концептом и входит в центровую часть концептосферы. В религиозном дискурсе, интенцией которого является духовное единение верующих, трудовая деятельность признаётся одним из немногочисленных путей соединения с Богом, главным принципом добродетельного жития, осмысляется как способ воспитания человека, укрепления духа. Христианский дискурс формирует классификацию видов трудовой деятельности: физический (материальный) vs. духовный, суетный vs. истинный; выделяет его функции: труд спасает душу, наделяет человека мудростью, укрощает плоть, помогает человеку избежать грехопадения. В православной картине мира концепт «Труд» вступает в различные связи с другими концептами, обогащающими его содержание: подчёркивается обязательность труда для человека; труд осмысляется как динамичная сложная самоотверженная деятельность, приносящая практическую пользу; труд является выражением надежды и любви, он исключает гордыню, возвышает человека над суетой и делает его душу бессмертной; труд – проявление добродетели, сущность труда состоит в постоянном преодолении разного рода трудностей, что приводит к формированию твёрдости и силы духа, внутреннему совершенствованию человека. Для православного дискурса характерен дидактизм, выраженная императивность, ориентация на духовность. Под влиянием религиозного дискурса сформировалась аксиология общенародной культуры, что проявляется в совпадении культурных установок, стереотипов, когнитивных стратегий в обеих картинах мира.

В правовой картине мира концепт «Труд» входит в центровую часть. Правовая картина мира отражает государственную аксиологию, в отдельных своих частях не совпадающую с обыденной. Основные трудовые идеологемы правового дискурса генетически родственны православным доктринам труда. В то же время для правового дискурса характерно онаучивание концепта «Труд». Правовой дискурс отводит труду роль основного воспитывающего средства, труд помогает раскрыть человеку свой потенциал, способствует объединению людей. Труд квалифицируется как потребность, повинность, обязанность, благосостояние, честь, долг, власть над эксплуататорами, право. Тем самым в процессе концептуализации труда существенными становятся общественные, политические, моральные и правовые аспекты. Связи концепта «Труд» с другими концептами способствуют формированию таких смыслов в его структуре, как ‘политическая ценность’, ‘общественная ценность’, ‘гуманистический характер’, ‘сложность’, ‘историко-экономический потенциал’. Продукты советского право-

вого дискурса отражают отсутствие внимания к конкретному индивиду, абстрагированное представление трудовой деятельности, что противопоставляет данный дискурс обыденному и религиозному и сближает с научным. Для правового дискурса, как и для религиозного, характерна аксиологическая эксплицированность, подчеркнутый дидактизм.

Концепт «Труд» находится в центральной части педагогической картины мира. Интенция педагогического дискурса: социализация личности в соответствии с тем или иным государственным заказом – обуславливает тот факт, что педагогический дискурс становится смежным, а отчасти даже пересекается с политическим и правовым дискурсами. Это находит своё выражение в ориентации педагогической картины на аксиологическую шкалу правового и политического дискурсов. Научный характер педагогического дискурса предопределяет глубокую и детальную проработку аспектов концепта труд. Многообразие рассмотренных когнитивных стратегий сводится к двум основным: труд является средством развития (трудо-вое воспитание) и объектом (целью) педагогического воздействия (трудо-вое обучение). Осмысление трудовой деятельности как средства развития личности послужило толчком для детальной концептуальной проработки её функций. Трудовая деятельность является источником интеллектуального, нравственного, физического развития, сферой самоутверждения и самореализации человека. Труд делает жизнь человека осмысленной, является мощным средством социализации. Процессы смыслообразования в педагогическом дискурсе, с одной стороны, детерминированы аналогичными процессами в правовом, политическом, философском дискурсах, с другой – стремятся к самостоятельности. Процессы концептуализации предопределяют особенности вербального кодирования смыслов. Педагогический дискурс прибегает к средствам различных кодов культуры, наиболее продуктивным из которых является антропоморфный. Большинство квазистереотипов, культивируемых в педагогическом дискурсе, заимствуется из научного (философского) и обыденного дискурсов. Для педагогического дискурса в большей мере, чем для религиозного и правового характерна вербализация знания посредством косвенных номинаций, что объясняется наглядностью педагогического дискурса. Связи с концептами обогащают концепт «Труд» смыслами ‘свободный’, ‘активный’, ‘честный’, ‘общественное уважение’, ‘ответственность за результат’, ‘новый’, подчеркивают ценностный аспект трудовой деятельности, интерпретируют её с эстетической точки зрения, высвечивают такие аспекты концепта «Труд», как коллективный характер, общественная значимость, самостоятельность, польза. Интенции педагогического дискурса определяют повышенную степень императивности его текстов.

В медицинском дискурсе, интенцией которого является забота о физическом и психическом здоровье человека, концепт «Труд» имеет высокий рейтинг. Труд осмысливается как метод лечения. Преимущественно привативные концептуальные связи обогащают данный концепт рядом смыслов: «сила», «исцеление» «физическое здоровье», «здоровый образ

жизни», «организованность» «психическое здоровье», что свидетельствует о положительном, созидательном, витальном характере трудовой деятельности.

Каждый дискурс характеризуется собственной стратегией концептуализации трудовой деятельности, строит «один из возможных миров» [Кубрякова Е.С., 2004: 531]. Для обогащения своего содержания ментальная категория «Труд» в разных дискурсах устанавливает насыщенные связи в среднем с 18 концептами, что свидетельствует о её высоком рейтинге. Каждый из проанализированных дискурсов обнаруживает свой набор ментальных категорий, вступающих в связи с концептом «Труд». В случаях обращения к одним и тем же концептам наблюдаются расхождения в их интерпретации. В процессах концептуализации труда один дискурс дополняет другой, формируя разные аспекты концепта «Труд». Процессы концептуализации труда в разных картинах мира показывают, что существование дискурсов не изолировано. Дискурсы не имеют чётких границ, смежны друг с другом. При этом в каждом дискурсе отчетливо просматривается свойственная только ему когнитивная стратегия концептуализации труда: в обыденном дискурсе – хозяйственно-практическая, в православном – духовно-дидактическая, в правовом – научно-техническая и общественно-историческая, в педагогическом – социально-психолого-дидактическая, в медицинском – психолого-физиологическая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аветян Э.Г.* Смысл и значение. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1979. – 412 с.
- Айрапетян В.* Герменевтические подступы к русскому слову. – М.: Лабиринт, 1992. – 302 с.
- Айрапетян В.* Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. – М.: Шк. «Яз. славянской культуры», 2002. – 485 с.
- Александров П.С.* О понятии синонима // Лексическая синонимия / Отв. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1967. – С. 38–42.
- Александрова З.Е.* О синонимах и словаре синонимов русского языка // Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – С. 3–17.
- Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – 274 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. – Ч. 2. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 82–84.
- Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Проблемы вербализации концепта. – Волгоград: Перемена, 2003. – 95 с.
- Апресян Ю.Д.* Основные идеи современной семантики // Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Т. 1. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995 а. – С. 6–56.
- Апресян Ю.Д.* Лексические синонимы // Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Т. 1. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995 б. – С. 216–255.
- Апресян Ю.Д.* Лексические антонимы // Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Т. 1. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995 в. – С. 284–315.
- Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды. Интегральное описание языков и системная лексикография. – Т. 2. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995 г. – С. 135–155.
- Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Интегральное описание языков и системная лексикография. – Т. 2. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995 д. – С. 156–177.
- Араева Л.А.* Интерпретация языковых фактов с когнитивных позиций // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12 – 14 мая 1999 года. – Ч. 1 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 39–41.
- Арош К., Анри П., Пешё М.* Семантика и переворот, произведённый Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 137–157.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Под. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – 895 с.

Архипов И.К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. трудов. – Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 5–9.

Архипов И.К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. – Ч. 1 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 13–15.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология / Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.

Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. трудов / Отв. ред. проф. В.И. Карасик. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 25–33.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.

Бабушкин А.П. Поиск «тела знака» для наименования концепта // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12 – 14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та. – С. 100–104.

Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 6–8.

Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 20 с.

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К.А. Долинина. – М.: Иностр. лит., 1961. – 394 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 423 с.

Белик А.А. Культурология: Антропологическая теория культур: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 1999. – 238 с.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – М.: Открытое общество, 2001. – 437 с.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990, – 222 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Academia-центр: Медиум, 1995. – 332 с.

Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая

1999 года. – Ч. 1 / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та. – С. 15–18.

Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года. – Ч. 3 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та. – С. 62–68.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – 123 с.

Болдырев Н.Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. – Ч. 1 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 15–20.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1987. – 159 с.

Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1998. – 48 с.

Брагина А.А. Незамкнутость синонимических рядов // Филол. науки. – 1974. – № 1. – С. 43–52.

Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. – М.: Наука, 1986. – 127 с.

Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры». – С. 131–138.

Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. – 574 с.

Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – С. 74–84.

Быкова О.И. Динамичность и неоднозначность этнокультурных коннотаций // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та. – С. 59–61.

Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопр. языкознания. – 1971. – №5. – С. 105–113.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – 777 с.

Вершеня Е.В. Дискурс элитарной культуры и дискурс массовой культуры // Язык образования и образование языка: Материалы междунар. конф. – Великий Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2000. – С. 54–55.

Виноградов В.В. Лексика и лексикография: избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство: На материале английского языка. – М.: Макс Пресс, 2002. – 377с.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 238 с.

Волков Н.Р. Что такое метафора // Художественная форма: Сб. статей / Под ред. А.Г. Циреса. – М.: Изд-во ГАХН, 1927. – С. 81-124.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 131 с.

Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52–65.

Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: теория описания языка и культуры во взаимодействии – М.: Изд-во ин-та рус. яз., 1994. – 75 с.

Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 436 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. – 331 с.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 198–206.

Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2001. – С. 54–68.

Гачев Г. Национальные образы мира: Космо Психо Логос. – М.: Прогресс, 1995. – 480 с.

Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка: Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. Пер. с англ. / Сост., ред., вст. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5-11.

Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке: таксономия и метонимия. – М.: Наука, 1965. – 223 с.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1989. – 249 с.

Гольдберг В.Б. Структурные связи как компонент языковой картины мира // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 27–29.

Гольдберг В.Б. Основы лексической категоризации глагола. Типология структурно-семантических связей // Моделирование процессов функ-

циональной категоризации глагола. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – С. 90–137.

Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 42–43.

Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «Труд» в русском сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: 2003. – 19 с.

Горский Д.П. Вопросы абстракции и образования понятий. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 350 с.

Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / Общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 483–550.

Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – М.: Прогресс, 1993. – 543 с.

Гусев С.С. Наука и метафора. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1984. – 152 с.

Данилова Н.К. «Знаки субъекта» в дискурсе. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001. – 228 с.

Дейк ван Т.А. Контекст и познание: Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Изд-во Благовещен. гуманитар. колледжа, 1989. – С. 12–40.

Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний: Сб. научно-аналитических обзоров. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1994. – С. 39–77.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Рус. яз., 1980. – 253 с.

Дмитровская М.В. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – С. 6–18.

Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филол. науки. – 1973. – №1. – С. 89–98.

Дубровский Д.И. Расшифровка кодов: Методологические аспекты проблемы // Вопр. философии. – 1979. – № 2. – С. 87–100.

Евгеньева А.П. О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка // Лексическая синонимия / Отв. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1967. – С. 56–74.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж., 2001. – С. 36–44.

Звегинцев В.А. Замечания о лексической синонимии // В.А. Звегинцев Теоретическая и прикладная лингвистика. – М.: Изд-во АН СССР, 1968. – С. 124–144.

Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории мировой культуры. – Т. 1. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 911 с.

Иванова В.А. Антонимия в системе языка. – Кишинёв: Штиинца, 1982. – 163 с.

Иванова Л.А., Самохина Л.А. Концепт труд в русской языковой картине мира // Язык и межкультурные коммуникации: Материалы междунар. конф. – Уфа: Изд-во Башкир. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 89–90.

Ильин В.В. Язык – понимание – культура // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Шк. «Яз. славянской культуры», 2001. – С. 267–272.

Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1998. – 204 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 332 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.

Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филол. науки. – 1972. – №1. – С. 57–68.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987.

Ковалёва Т.Ю. О содержательных контекстах понятия «концепт»: от В. Гумбольдта и А.А. Потебни к А. Вежбицкой и Ю.С. Степанову // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской науч. конф. – Ч. 1. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2000. – С. 16–18.

Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка: культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 183–186.

Ковшова М.Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – С. 164–173.

Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. – М.: Наука, 1991. – 118 с.

Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1955. – 28 с.

Коул М., Скибнер С. Культура и мышление. – М.: Прогресс, 1977. – 261 с.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. – 159 с.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Иркутская обл. типография, 2001. – 261 с.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.

Кронгауз М.А. Семантика. – М.: Откр. общество. – 2001. – 400 с.

Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний: Сб. научно-аналитич. обзоров / Под ред. проф. Ф.М. Березина. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1992. – С. 4–38.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.

Кубрякова Е.С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 3–5.

Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 3. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 6–13.

Кубрякова Е.С. О формировании значения в актах семиозиса // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. трудов. – Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та, 2000. – С.26–29.

Кубрякова Е.С. Композиционная семантика: цели и задачи // Композиционная семантика: Материалы 3-й междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 4–6.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 555 с.

Культурология: История и теория культуры / Под ред. В.И. Добрынина. — М.: Знание, 1996. – 272 с.

Куртин Ж.Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. — М.: Прогресс, 1999. – С. 95–105.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Пер. с англ. Н.Н. Перцовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семан-

тика / Сост., общая ред. и вст. ст. В.А. Звегинцева – М.: Прогресс, 1981. – С. 350–368.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Пер. с англ. Р.И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка / Сост., ред., вст. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–51.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры / Под. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 535 с.

Листрова-Правда Ю.Т. Концепт БОГ в языковом сознании русского народа // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 93–102.

Лихачёв Д.С. Национальное самосознание древней Руси. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 119 с.

Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 180 с.

Лихачёв Д.С. Заметки о русском. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. Россия, 1984. – 62 с.

Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М.: «Academia», 1997. – С. 280–287.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. – М.: Наука, 1977. – 315 с.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Изд-во полит. лит., 1991. – 525 с.

Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.

Лосский Н.О. Характер русского народа. – М.: Посев, 1990. – 24 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2000. – 704 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1979. – 319 с.

МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / Под. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236–284.

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

Маркелова Е.В. Когнитивно-семантическая структура имён деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004. – 32 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 26. – Ч. 3. – М.: Госполитиздат, 1964. – 674 с.

Мартынов В.В. Категории языка: семиологический аспект. – М.: Наука, 1962. – 192 с.

- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 205 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Academia, 2001. – 203с.
- Мауро Т. де В.В.* Идеографические словари. – М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1970. – 71 с.
- Миллер Дж.* Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры / Под. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236–283.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: Роспэн, 1988. – 573 с.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
- Мокиенко В.М.* Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 462 с.
- Москвин В.П.* Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: Учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. – Волгоград: Перемена, 1997. – 91 с.
- Моль А.* Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
- Морковкин В.В.* Идеографические словари. – М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1970. – 70 с.
- Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1977. – 106 с.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика / Общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С.37–89.
- Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. – М.: Выс. шк., 1988. – 168 с.
- Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. — СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 757 с.
- Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. – 290 с.
- Новиков Л.А.* Русская антонимия и её лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. 3-е изд. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 5–30.
- Новиков Л.А.* Семантика русского языка: Учеб. пособие. – М.: Выс. шк., 1982. – 272 с.
- Опарина Е.О.* Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65-77.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры / Под. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68 –81.

Отъе-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 54–95.

Павилёнис Р.И. Проблемы смысла (современный логико-философский анализ языка). – М.: Прогресс, 1990. – 295 с.

Падучева Е.В. Семантические исследования. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 464 с.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 609 с.

Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний / Сб. научно-аналитических обзоров. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1994. – С. 78–97.

Парахонский Б.А. Язык культуры и генезис знания. – Киев: Наук. думка, 1988. – 210 с.

Пелипенко А. А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 371 с.

Петрухина Е.В. Представление профессионально-трудовой и социальной деятельности в языке и дискурсе (на материале русского и чешского языков) // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 92–94.

Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 105–123.

Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 225–290.

Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 302–336.

Платонов О.А. Русский труд. – М.: Современник, 1991. – 335 с.

Позднякова Е.М. Концептуальная организация производного слова // Когнитивная семантика: Материалы второй междунар. шк.-семинара / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – С. 23–27.

Полевые структуры в системе языка / Под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 197 с.

Попова З.Д. Живое свидетельство о народах // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 23–25.

Попова З.Д. Куда же нам плыть?.. (К методике определения типа лексического концепта) // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 3. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та. – С. 104–107.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 30 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингвокогнитивного анализа // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 19–23.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 59 с.

Попова З.Д. Концептуальная картина мира и семантическое пространство языка // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 118–119.

Попова Т.Г. Национально-культурные аспекты семантики // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 3. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С.182–184.

Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков: Типография К. Сгасни, 1894. – 164 с.

Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.

Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. – М.: Выс. шк. – 350 с.

Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. – М.: Просвещение, 1966. – 400 с.

Пропп В. Русские аграрные праздники. – М.: Лабиринт, 2000. – 192 с.

Пульчинелли Орланди Э. К вопросу о методе и объекте анализа дискурса // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 197–224.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: Московский филос. фонд, 1995. – 411 с.

Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. М.: Прогресс, 1990. – С. 435–455.

Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопр. языкознания. – 1996. – № 5. – С. 39–50.

Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. гос. ун-та, 2002. – 240 с.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–54.

Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла / Под ред. Ю.С. Степанова. — М.: Прогресс, 1999. — С. 337–383.

Серль Дж. Метафора // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. — М.: Прогресс, 1990. — С. 307–341.

Славин А.В. Наглядный образ в структуре познания. — М.: Политиздат, 1971. — 271 с.

Соссюр Ф де Курс общей лингвистики. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. — 426 с.

Степанов Ю.С. Концепт культуры в «разрезе» // Когнитивная семантика: Материалы второй междунар. шк.-семинара / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. — Ч. 1. — Тамбов: Тамбов. гос. ун-та, 2000. — С. 8.

Степанов Ю.С. Семиотика. — М.: Наука, 1971. — 165 с.

Стернин И.А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. — Ч. 3. — Тамбов: Тамбов. гос. ун-та. — С. 69–79.

Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. — С. 34–37.

Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация: Виды наименований. — М.: Наука, 1977. — С. 129–221.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. — 143 с.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 26–52.

Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 5–35.

Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 36–66.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. — 284 с.

Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы междунар. конф. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. — С. 14–15.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. — С. 13–24.

Телия В.Н. О лингвокультурологических аспектах исследования семантики фраземных знаков // Фразеология — 2000: Материалы Всероссий-

ской науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». – Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 90–93.

Телия В.Н. О лингвокультурологических аспектах исследования семантики фраземных знаков // Фразеология – 2000: Материалы Всероссийской науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». – Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2000. – С.90–93.

Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «Трудовая деятельность»). – Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2000. – 92 с.

Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке)». – Волгоград: «Перемена». – 232 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.

Тороцев И.С. Очерк русской ономастологии. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1970. – 37 с.

Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 250–275.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.

Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 30–63.

Уфимцева А.А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Наука, 1967. – С. 26–38.

Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.

Уфимцева А.А. Лексическое значение (принцип семасиологического описания лексики). – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Уфимцева Н.В. Слово и культура // Когнитивная семантика: Материалы второй междунар. шк.-семинара / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – С. 90–91.

Фаворин В.К. Синонимы в русском языке. – Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1953. – 71 с.

Фархутдинова Ф.Ф. «Взглянуть на мир сквозь призму слова...» – Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2000. – 204 с.

Фесенко Т.А. Концептуальные системы в контексте проблем менталитета // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 112–116.

Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.: 14. – М.: Прогресс, 1983. – С. 23–60.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – В.: 23 – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.

Фрумкина Р.М. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Шк. «Яз. славянской культуры», 2001. – С. 167–177.

Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93–118.

Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: Сб. научно-аналитических обзоров. – М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1994. – С. 98–103.

Хомский Н. Язык и мышление / Пер. с англ. Б.Ю. Городецкого. – М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 1972. – 121 с.

Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение: Уч. пособие. – Курск: Крона, 2000. – 168 с.

Худяков А.А. Понятие и концепт: опыт терминологического анализа // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 32–37.

Хэр Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – В.:16. – М.: Наука, 1985. – С. 183–195.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.

Шенк Р. Обработка концептуальной информации / Под ред. В.М. Брябрина. – М.: Энергия, 1980. – 361 с.

Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. – Волгоград: «Перемена». – 311 с.

Шмид В. Нарратология. – М.: «Языки славянской культуры», 2003. – 312 с.

Шкуропацкая М.Г. Семантика словообразовательного типа в языковом сознании // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 36–39.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 253 с.

Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

Abelson R.P. Psychological status of the script concept // AP. – 1981. – Vol. 36. – P. 715–729.

Brown G. Yule G. Discourse analysis. – Cambridge. 1983.

Cassirer E. An essey on man an introduction to a philosophy of human culture. – New Haven: Halle UP, 1945.

Chafe W. Discourse, consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. – Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Gumperz J.J. Discourse strategies. – Cambridge, 1982.

Jackendoff R. What is a concept? // Frames, fields, and contrasts. New essays in semantics and lexical organisation. – Hillsdale, 1992. – P. 629–643.

Langacker R.W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin. NY., 1991.

Langacker R.W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. – Berlin – N.Y., 1991.

Lyons J. Semantics. – Cambridge. – Ac., 1977.

Rudzka-Ostyn B. Topics in Cognitive Linguistics. – Philadelphia, 1988.

Wierzbicka A. Lingua Mentalis. Sydney etc. – Acad. Press, 1980. – 367 p.

Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. – Ann Arbor: Karama. 1985.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ СПРАВОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. – 5-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.

Атеистический словарь / Под ред. М.П. Новикова. – М.: Изд-во политич. лит., 1985. – 512 с.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М.: Худ. лит., 1987. – 528с.

Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. гос. ун-та, 1972. – 166 с.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Под ред. А.М. Прохорова. – 3-е изд. – М.: «Сов. энциклопедия», 1970 – 1978.

Буслаев Ф. Русские пословицы и поговорки, собранные и объяснённые Ф.И. Буслаевым. – М.: Тип. А. Семена, 1854. – 176 с.

Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 544 с.

В мире мудрых мыслей. – М.: Красный пролетарий, 1962. – 331 с.

(СД) *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Терра, 1995.

(СПД) *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1984.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – М.: Рус. яз., 1996. – 639 с.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 534 с.

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.

Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа: Объяснительный словарь. – М.: Сюита, 1996. – 543 с.

Кожмяко В.С., Подгородная Л.И. Русские пословицы и поговорки и их немецкие аналоги. – СПб.: Каро, 2000. – 114 с.

Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1972. – 313 с.

Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П.А. Дмитриева. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. – 360 с.

Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка: Пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Владос, 1996. – 415 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. – М.: Рус. словари, 1997. – 863 с.

Меркурьева Н.М. Словарь антонимов русского языка (сложные слова). — М.: ЗАО «Газета правда», 1999. – 480 с.

Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – М.: Терра., 1994. – 598 с.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Опыт русской фразеологии. Своё и чужое: В 2 т. – М.: Терра, 1994.

Москвин В.П. Идеографический словарь сочетаемости. – Киев, 1993. – 255 с.

(СЯС) *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

(БСЖ) *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. — 717 с.

(НРС) *Немецко-русский словарь* / Сост. Н.В. Глен-Шестакова, В.Б. Лиднер, А.О. Орлова, И.В. Рахманова. – 31-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – 528 с..

(СНС) *Немецко-русский словарь синонимов* / Под ред. Г. Шмидта. – М.: «Фирма «Ник»», 1998. – 701 с.

Никитина Т.Г. Так говорит молодёжь: Словарь молодёжного сленга. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 587 с.

(СОШ) *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.

Поле любит труд. Русские народные пословицы и поговорки о сельском хозяйстве / Сост. Б.М. Ховратович. – Красноярск, 1966. – 143 с

Разум сердца. Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. – М.: Изд-во политич. лит., 1990. – 605 с.

(РЭС) *Россия*: Энциклопедический словарь / Под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб.: Лениздат, 1991. – 878 с.

Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999.

Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина. – М.: Худ. лит., 1988. – 431 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз. / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой: В 6 т. – М.: Азбуковник, 1988.

Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.

(МАС) *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981.

Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука. – 1989.

(ССЕ) *Словарь синонимов русского языка*: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970.

(БАС) *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. — М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1965.

Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.

(СРНГ) *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф.П. Филина. – М. – Л.: Наука, 1965.

Снегирёв И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. – М.: Терра, 1997. – 350 с.

Сны, приметы, загадки, поговорки / Сост. И.А. Падюков. – Пермь: Пермск. обл. тв. центр, 1994. – 73 с.

Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. – М.: Владос, 1996. – 764 с.

(СДЯ) *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Академич. Проект, 2001. – 990 с.

(СЭСРЯ) *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. – М. «Флинта», «Наука», 2003. – 695 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1990.

(ТСЯИ) *Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения*. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

Толстой Л.Н. Круг чтения: В 2 т. – М.: Наше наследие, 1991.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – СПб.: Азбука, 1996.

Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. — М.: Политич. лит., 1963. – 544 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: В 2 т. / Под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука, 1991.

(ФСМ) *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Рус. яз., 1977. – 936 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1994.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Абрамов Ф.А. Деревянные кони // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 24–51.

Айтматов Ч. Верблюжий глаз // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 52–82.

Архиепископ Костромской Платон Краткое правило для благочестивой жизни. – Кострома: Типография Костр. епархии, 1988. – 34 с.

Архиепископ Никон Рождественский Житие преподобного Сергия Радонежского. – Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. – 185 с.

Атутов П.Р. Взаимосвязь политехнического образования и трудового воспитания // Советская педагогика. – 1988. – № 5. – С. 28–32.

Бажов П.П. Живинка в деле // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 2. – С. 596–601.

Бажов П.П. Васина гора // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 1– С. 602–606.

Бедный Д. Избранные произведения. – Л. –М.: Гос. из-во худ. лит., 1933. – 223 с.

Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. – Минск: Тип. им. Ф. Скорины, 1992. – 1200 с.

Вавилонская башня и другие библейские предания / Под общ. ред. К.И. Чуковского. – М.: Худ. лит., 1992. – 187 с.

Векслер С. Урок – начало подготовки к трудовой жизни // Воспитание школьников. – 1982. – № 3. – С. 24–28.

Вересаев В. Два конца. – М.: Политиздат, 1955. – 143 с.

- Вознесенский А.* Портрет Плисецкой // Проза поэта. – М.: Вагриус, 2000. – С. 214–220.
- Вопросы* преподобного Дорофея и ответы, данные на них святыми старцами Варсануфием великим и Иоанном. – М.: Тип. Москов. епархии, 1988. – 320 с.
- Воспитание* учащихся в процессе трудового обучения / Под ред. Т.Н. Мальковской. – М.: Просвещение, 1983. – 184 с.
- Высоцкий В.* Избранное. – М.: Сов. писатель, 1988. – 114 с.
- Вяземский П.А.* Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 148 с.
- Гаршин В.М.* Сочинения: рассказы, очерки, статьи, письма. – М.: Сов. Россия, 1984. – 705 с.
- Герцен А.И.* Кто виноват? – М.: Сов. Россия, 1989. – 202 с.
- Гладков Ф.В.* Головоногий человек // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3 – С. 301–353.
- Гладков Ф.В.* Энергия // Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Худ. лит., 1984. – Т. 2. – 703 с.
- Гладков Ф.В.* Клятва // Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Худ. лит., 1984. – Т. 1. – С. 180–213 с.
- Гоголь Н.В.* Мёртвые души // Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1959. – Т. 5. – 575 с.
- Гоголь Н.В.* Тарас Бульба // Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1959. – Т. 2 – С. 32–153.
- Горький М.* Двадцать шесть и одна // Собрание сочинений: В 8 т. – М. Сов. Россия, 1989. – Т. 2. – С. 191–202.
- Горький М.* Дед Архип и Лёнька // Повести и рассказы. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1986. – С. 445–465.
- Горький М.* Дело Артамоновых // Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Сов. Россия, 1989. – Т. 7. – С. 216–447.
- Горький М.* Мои университеты // Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Сов. Россия, 1989. – Т. 7. – С. 5–112.
- Горький М.* Фома Гордеев // Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Сов. Россия, 1989. – Т. 4. – С. 5–244.
- Гранин Д.* Искатели. – М.: Выс. шк., 1987. – С. 213–239.
- Гроссман В.* Жизнь // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 213–239.
- Дергачёв С.И.* Опыт трудового воспитания учащихся // Воспитание школьников. – 1972. – № 7. – С. 14–21.
- Диакон Андрей Кураев* Школьное богословие – Полтава: Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 1999. – 244 с.
- Домострой.* – М.: Сов. Россия, 1990. – 314 с.
- Евтушенко Е.* Собрание сочинений: В 3 т. – М.: Худ. лит., 1983.
- Ершов П.* Сузге – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – С. 67–92.
- Жизнеописание* старца схиигумена Саввы. – М.: «Лествица», 1999. – 296 с.

- Заболоцкий Н.* Столбцы и поэмы. Стихотворения. – М.: Худ. лит., 1989. – 312 с.
- Законодательство Петра Первого.* – М.: Юридик. лит., 1997. – 878 с.
- Игишев В.* Вольный труд // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3 – С. 83–96.
- Игнатъев П.* Войди в радость мою. – М.: Светильник, 1996. – 264 с.
- Иеромонах Харитон* Православие для всех. – М.: Светильник, 1992. – 354 с.
- Ириней, епископ Екатеринбургский и Ирбитский* Чтобы дети были послушны. – М.: Даниловский благовестник, 1997. – 360 с.
- Каверин В.А.* Летящий почерк // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 250–292.
- Кизилов М.Г.* Капитан // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 293–301.
- Киперман С.А.* Трудовое воспитание школьников и периодическая печать // Сов. педагогика. – 1984. – № 12. – С. 36 – 39.
- Климов Е.А.* Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопр. психологии. – 1989. – № 4. – С. 48–54.
- Клычков С.* Стихотворения. – М.: Худ. лит., 1995. – 254 с.
- Кодекс законов о труде РСФСР.* – М.: Сов. Россия, 1989. – 526 с.
- Конституция РСФСР.* – М.: Изд-во Всероссийского комитета РСКиК депутатов, 1918. – 64 с.
- Конституция РСФСР.* – М.: Политиздат, 1978. – 71 с.
- Конституция (Основной Закон) РСФСР.* – М.: Сов. Россия, 1991. – 120 с.
- Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. ак. Б.Н. Топорнина.* – М.: Юристъ, 1997. – 335 с.
- Коняев Н.* Рассказы и повести. – М.: Современник. 1989. – 350 с.
- Королёва М.* Начало всякому труду – самовоспитание // Народное образование. – 1984. – № 6. – С. 82–85.
- Котряхов Н.В.* Современные подходы к проблеме трудового воспитания // Школа и производство. – 1999. – № 2. – С. 2.
- Краткий молитвослов.* – Воронеж: Изд-во Воронеж. и Липецк. епархии, 1987. – 145 с.
- Крестьянская реформа в России 1861 года: Сборник законодательных актов / Сост. сб. К.А. Софроненко.* – М.: Госюриздат, 1954. – 434 с.
- Крупицы духовной мудрости.* – Ясенево, 2000. – 130 с.
- Крылов И.А.* Басни // Сочинения: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1955..
- Куприн А.И.* Молох // Сочинения: В 3 т. – М.: Худ. лит., 1954. – Т. 1. – С. 142 – 220.
- Куприн А.И.* В недрах земли // Сочинения: В 3 т. – М.: Худ. лит., 1954. – Т. 1. – С. 434–446.

- Лавров С.* Яко с нами Бог. – М.: Свято-Троицкий Ново-Голутвин женский монастырь, 1993. – 126 с.
- Ленин В.И.* От разрушения векового уклада к творчеству нового // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Изд-во политич. лит., 1955. – Т. 40. — С. 314–316.
- Леонов Л.* Соть // Сочинения: В 9 т. – М.: Худ. лит., 1961. – Т. 4. – 393 с.
- Лермонтов М.Ю.* Стихотворения // Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Гос. из-во худ. лит. – Т. 1. – 426 с.
- Лесков Н.С.* Левша // Избранное. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1979. – С. 458–485.
- Лествичник И.* Греховные страсти и борьба с ними. – М.: Приход церкви святых..., 1999. – 367 с.
- Лиферов Л.А.* Трудовое обучение и воспитание // Педагогика. – 1992. № 3–4. – С. 19–26.
- Личность.* Труд. Право / Сост. В.И. Курилов. – М.: Юридич. лит., 1989. – 110 с.
- Ляшко Н.Н.* Доменная печь // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 2– С.151–240.
- Макаренко А.С.* Педагогическая поэма. – М.: Худ. лит., 1987. – 621 с.
- Макаренко А.С.* Трудовое воспитание. – М.: Учпедгиз, 1953. – 123 с.
- Макаренко А.С.* Лекции о воспитании детей / Под ред. Г.С. Макаренко и В.Н. Колбановского. – М.: Учпедгиз, 1953. – 96 с.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Рассказы // Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Правда, 1958. – Т. 3. – 563 с.
- Маргарите,* или Избранные душеспасительные изречения. – Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. – 218 с.
- Маркс К.* Наёмный труд и капитал. – ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – Т. 1. – С. 216–251 .
- Муссалитин В.И.* Трое в привокзальном сквере // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 353–365.
- Нагибин Ю.М.* Человек и дорога // Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Худ. лит., 1981. – Т. 1. – С. 256–275.
- Некрасов Н.А.* Стихотворения // Сочинения: В 3 т. – М.: Правда, 1954. – Т. 1. – 318 с.
- Некрасов Н.А.* Кому на Руси жить хорошо // Сочинения: В 3 т. – М.: «Правда», 1954. – Т. 3. – С. 3–219.
- Некрасов Н.А.* Крестьянские дети // Сочинения: В 3 т. – М.: «Правда», 1954. – Т. 1. – С. 239–245.
- Некрасов Н.А.* Мороз красный нос // Сочинения: В.: 3 т. – М.: «Правда», 1954. – Т. 1. – С. 292–321.
- Некрасов Н.А.* Русские женщины // Сочинения: В 3 т. – М.: «Правда», 1954. – Т. 1. – С. 85–144.
- Нилин П. Ф.* Знаменитый Павлюк // Сочинения: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1985. – Т. 1. – С. 152–172.

- Новиков И.А.* Пушкин в изгнании. – М.: Правда, 1985. – 167 с.
- Олейник Ф.* Нет наставника лучше труда // Воспитание школьников, 1985. – № 7. – С. 28–33.
- Орешин П.* Два труда // Повести и рассказы. – М.: Сов. писатель. 1960. – С. 205–248 с.
- Пашков А.Г.* Труд как средство воспитания // Педагогика. – 1992. – № 7–8. – С. 3–10.
- Песни наших дней.* – Изд-во: «Музыка», 1985. – 166 с.
- Петрова В.И.* Трудовая деятельность и формирование личности школьника // Сов. педагогика. – 1987 – № 8. – С. 48–52.
- Писемский А.Ф.* Питерщик // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 1. – С. 45–74.
- Пискунов А.И.* Хрестоматия по истории зарубежной педагогики: Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1981. – 528 с.
- Плакий С.И.* Трудовое воспитание учащихся в школе и на базовых предприятиях // Воспитание школьников. – 1984. – № 4. – С. 15–17.
- Платонов А.* Родина электричества // Сокровенный человек. Рассказы. Повести. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1981. – С. 36–46.
- Платонов А.* Сокровенный человек // Сокровенный человек. Рассказы. Повести. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1981. – С. 447–502.
- Платонов А.* Фро // Сокровенный человек. Рассказы. Повести. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1981. – С. 87–103.
- Плетнёв А.Н.* До утомления сердца // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 385–401.
- Полевой Б.Н.* Вклад // Собрание сочинений: В 9 т. – М.–Л.: Худ. лит., 1986. – Т. 2. – С. 330–339.
- Полежаев А.И.* Стихотворения. Поэмы. – М.: Московский рабочий, 1981. – 286 с.
- Помяловский Н.Г.* Сочинения: В.: 2 т. – М.–Л.: Худ. лит., 1965. – Т. 1. – 362 с.
- Портнов М.* Обучение полезному труду // Народное образование. – 1985. – № 4. – С. 80–83.
- Поселянин Е.* «Преподобный Серафим, Саровский чудотворец». – М.: «Благовестник», 1997. – 53 с.
- Преподобные старцы Оптиной Пустыни. Преподобный Нектарий.* – Оптина пустынь, 1989. – 320 с.
- Программа КПСС.* – М.: Политиздат, 1979. – 415 с.
- Путь ко Христу.* – Заокский: Источник жизни, 1993. – 95 с.
- Пушкин А.С.* Барышня-крестьянка // Полное собрание сочинений: В 6 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949. – Т. 4. – С. 97–114.
- Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Полное собрание сочинений: В 6 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949. – Т. 3. – С. 5–186.
- Пушкин А.С.* Стихотворения // Полное собрание сочинений: В 6 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1949. – Т. 1. – 559 с.

- Пушкин А.С.* Стихотворения // Полное собрание сочинений: В. 6 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1949. – Т. 2. – 647 с.
- Радченко И.* Организация воспитывающего труда // Народное образование. – 1988. – № 2. – С. 56–61.
- Рассохин В.В.* Шапка мономаха // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3 – С. 15–23.
- Рахим И.* Мой друг Икрам // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3 – С. 413–433.
- Редукция труда* / Сост.: Я.И. Гольдберг. – М.: «Экономика», 1965. – 398 с.
- Рожднова П.К.* Сказ о Кирилле Белозёрском. – М.: Даниловский благовестник, 1997. – 78 с.
- Российское законодательство X–XX веков*: В 9 т. – М.: Юрич. лит., 1989.
- Русские народные сказки* / Сост. А. Афанасьев. – М.: Изд. дом «Оникс», 2001. – 336 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* Дневник провинциала в Петербурге. – М.: «Сов. Россия», 1986. – 475 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* Коняга // Избранные сказки. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1946. – С. 76–83.
- Салтыков-Щедрин М.Е.* Мелочи жизни // Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Худ. лит., 1974. – Т. 16. Кн.2. – 390 с.
- Сальникова Л.* Нравственная, трудовая закалка молодёжи // Воспитание школьников. – 1987. – № 5. – С. 41–44.
- Свод законов СССР* / Сост.: В.Ф. Яковлева, Н.Ф. Рубцов, А.Я. Сухарев: В 11 т. – М.: «Известия», 1984.
- Святой Иоанн Кронштадский* Моя жизнь во Христе: В 2 т. – М.: Внешторгиздат «Дейта-Пресс», 1991. — 124 с.
- Серафимович А.С.* Город в степи // Сочинения: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1985. – Т. 1. – С. 429–615.
- Серафимович А.С.* Семишкура // Сочинения: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1985. – Т. 2. – С. 26–31.
- Серафимофич А.С.* Стрелочник // Сочинения: В 2 т. – М.: Худ. лит., 1985. – Т. 1. – С. 49–61.
- Скиталец С.Г.* Кузнец // Избранные произведения. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955. – С. 167–180.
- Слуцкий Б.* Избранное. – М.: Худ. лит., 1980. – 264 с.
- Содержание* трудового воспитания школьников / Под ред. А.Я. Журкиной, И.И. Зарецкой. – М.: «Педагогика». – 144 с.
- Солоухин В.А.* Немой // Бедствие с голубями. – М.: Сов. писатель, 1984. – С. 83–120.
- Стройка, студенты, отряд* / Сост. В.П. Лияскин, Г.Г. Ермошин – 2-е изд. – М.: Стройиздат, 1985. – 340 с.
- Сухомлинский В.А.* О воспитании. – М.: Изд-во политич. лит. 1985. – 270 с.
- Сухомлинский В.А.* Рождение гражданина. – М.: «Молодая гвардия», 1971. – 334 с.

- Сухомлинский В. А.* Сердце отдаю детям. – Киев: Радянська школа, 1988. – 272 с.
- Твардовский А.Т.* Печники // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 122–133.
- Толстой А.Н.* Пётр Первый // Собрание сочинений: В. 10 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1958. – Т. 7 – 862 с.
- Толстой Л.Н.* Казаки // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Худ. лит., 1958. – Т. 3. – С. 151–300.
- Толстой Л.Н.* Крейцера соната // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Худ. лит., 1958. – Т. 10. – С. 267–341.
- Толстой Л.Н.* Утро помещика // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Худ. лит., 1958. – Т. 2. – С. 267–317.
- Толстой Л.Н.* Холстомер // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Худ. лит., 1958. – Т. 10. – С. 96–132.
- Труд детей* и подростков: Инструкция. – М.: Учпедгиз, 1968. – 18 с.
- Труд и право.* Правовые стандарты политики занятости (правовые международные документы) / Ред. сост. К.Д. Крылов. – М.: Профиздат, 2000. – 235 с.
- Трудовой договор.* – М.: Юрич. лит., 1983. – 278 с.
- Труды* комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – СПб., 1879–1887 гг.
- Тургенев И.С.* Отцы и дети // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1954. – Т. 3. – С. 167–372.
- Тургенев И.С.* Степной король Лир // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1954. – Т. 7. – С. 237–316.
- Тургенев И.С.* Стихотворения // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Гос. из-во худ. лит., 1954. – Т. 10. – 651 с.
- Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. – М.: Терра, 1994.
- Успенский Г.И.* Власть земли // Теперь и прежде. – М.: «Сов. Россия», 1977. – С. 207–212.
- Успенский Г.И.* Из деревенского дневника // Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит. – Т. 4. – С. 3–117.
- Успенский Г.И.* Петькина карьера // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 1. – С. 147–156.
- Успенский Г.И.* Разоренье // Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955. – Т. 2. – С. 7–326.
- Успенский Г.И.* Теперь и прежде // Теперь и прежде. – М.: «Сов. Россия», 1977. – С. 222–228.
- Училище* благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых. – М.: Евроросс, 1991. – 423 с.
- Ушинский К.Д.* Труд в его психическом и воспитательном значении. – СПб.: Городс. типография № 4, 1905. – 23 с.
- Федин К.* Города и годы // Собрание сочинений: В 12 т. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 1. – 397 с.

- Финько О.А.* Борозда // Рассказы о людях труда: Хрестоматия: В 3 ч. / Сост. Н.А. Руднев. – М.: Выс. шк., 1988. – Т. 3. – С. 513–554.
- Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. – М.: Панорама, 1991. – 277 с.
- Хрестоматия* по истории педагогики. – Минск: Выш. шк., 1971. – 608 с.
- Хрестоматия* по русской литературе XVIII века / Сост. проф. А.В. Кокорев. – М.: Гос. уч. пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1952. – 824 с.
- Чехов А.П.* Мужики // Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Изд-во «Правда», 1970. – Т. 6. – С. 196–227.
- Чехов А.П.* Остров Сахалин // Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Изд-во «Правда», 1970. – Т. 8. – С. 5–332.
- Шагинян М.* Гидроцентраль. – М.: Сов. Россия, 1988. – 350 с.
- Шевченко С.Д.* Опыт трудового воспитания школьников // Воспитание школьников. – 1986. – № 3. – С. 12–19.
- Шевченко С.Д.* О воспитании трудолюбия // Вопр. психологии. – 1984. – № 4. – С. 86–88.
- Шолохов М.* Поднятая целина // Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Из-во худ. лит., 1966. – Т. 6 – 7.
- Шорыгина Т.* Чудотворец. – М.: «Мок-центр», 1996. – 87 с.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Е. Дюрингом. – 6-изд. – М.: Партийное изд-во, 1932. – 304 с.